

И В П Р
Р А В И

ПРОМЕТЕЙ
ЖЕЛЕЗНЫЙ
ВЕК

12+

Ивар Рави
Прометей железный век
Серия «Прометей», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67821570

SelfPub; 2022

Аннотация

Максим Серов уже два года на Земле из параллельной Вселенной в периоде каменного века. Он успел обзавестись семьей, ему есть кого защищать и ради кого стараться. Но перед ним встают новые, казалось бы невозможные проблемы и ситуации. Как поступит наш герой, куда он поведет людей и один ли он из своего времени в этой Вселенной? Задумка стать прогрессором и развивать племена дикарей хороша, но сможет ли главный герой осуществить задуманное?

Содержание

Глава 1. Визит к соседям	4
Глава 2. Племя Уна	17
Глава 3. Ячмень	30
Глава 4. Кесарево сечение	44
Глава 5. Праздник Сева	57
Глава 6. Землетрясение	70
Глава 7. Соль и пленник	82
Глава 8. Постройка дворца	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ивар Рави

Прометей железный век

Глава 1. Визит к соседям

Десятки тысяч лет назад
Наш современник обитает
Средь дикарей, Земля чужая.
Не ищет легких он путей,
Царь камня, русский Прометей!

Ивар Рави

Я находился на борту международной космической станции на орбите Земли, когда мы пролетели через непонятное свечение и оказались в другом пространстве-времени. Мой напарник погиб, пытаюсь устранить повреждения, причиненные нам космическим камешком. Мне не оставалось другого выбора, кроме как сесть на, ставшей такой чужой и неизвестной, планете Земля. Альтернативой было умереть от голода и обезвоживания на станции.

Воспользовавшись спасательной капсулой «Союз», отстыковался и совершил посадку. Но, из-за несовершенства моих

расчетов, вместо предполагаемой территории Франции приводился на море, одно из течений которого вынесло меня на берег, позднее определенный мною как южный берег Турции. Мне удалось захватить со станции запас продуктов, медикаментов и немного нашей одежды. Даже ключи, мелкие инструменты и те взял в спасательную капсулу. Но, в связи с ее ограниченным внутренним пространством, многие вещи все же пришлось оставить на станции. Решив, что ноутбук без электричества мне не пригодится, оставил и его, о чем не раз пожалел впоследствии.

Я стал понемногу обживатьсь на новом месте, но одиночество угнетало, пока в один из дней, не спас из рук дикарей племени Канг троих подростков: Нел, Рага и Бара из племени Луома, уничтоженного более сильным племенем людоедов Канг. Нел стала моей женщиной, а ее братья моими соплеменниками – Русами. Мы прожили в бухте, куда течение принесло мою капсулу, два года. Вторая зима, суровая и длинная, заставила изменить планы: возможно, это было временное похолодание, но не было гарантии, что не надвигается ледниковый период. На плоту нам пришлось отплыть вдоль береговой линии, спускаясь к югу.

За время путешествия наше маленькое племя Русов пополнилось двумя девушками-подростками, которых я нарек Лоа и Моа. В дороге мы пережили столкновение с ужасным племенем каннибалов, состоявших только из мужчин, суме-

ли их перебить и, наконец, нашли свою землю обетованную. В бухте, которую мы облюбовали, поселились люди племени Гара, бежавшие от каннибалов.

Племя я взял под свое покровительство, и мы стали мирно уживаться. Меня называли Макс Са, что значит Дух Макс, и моя власть была абсолютной. Способствовало тому наше появление со стороны воды и огнестрельное оружие, входившее в комплект спасательной капсулы. Когда охотник племени Гара по имени Лар нашел месторождение меди, а сын Хада, Зик, наткнулся на небольшое количество железной руды, пришел мой шанс изменить мир к лучшему....

Шел третий месяц с тех пор, как я, Нел, Раг и Бар попали в это поселение. Теперь здесь были не Гара, теперь они были Русы, и общение у нас происходило в основном на русском языке, с вкраплениями слов языка Луома и Гара. Большинство из них я не различал ни по виду, ни по именам. Со мной чаще всего общался Хад, вождь этих людей до моего прибытия, его сын Зик, которого я определил главным «геологом» нашего племени. И был еще могучий охотник Лар, в чьи функции входило обеспечение племени мясом животных.

Раг у меня занимался вопросами общей безопасности и несмотря на то, что он был еще юношей, его авторитет был незыблем и основывался на страхе передо мной — Макс Са (Дух Макс), как прозвали меня аборигены. После того, как я выстрелом из пистолета поджег сухую пальму, дикари при-

знали меня и склонили головы. Рассказы Рага и Бара о том, что я прибыл с небес, дополнили картину: мне боялись смотреть в лицо и любое указание выполнялось беспрекословно. Вот за что люблю дикарей – нет у них профсоюзов и желания позвиздеть о том, что их работу плохо оплачивают.

Вскоре после нашего прибытия произошел еще один случай, который усилил мой авторитет и добавил к моему имени приставку «Дарб», что означало «исцеление», «выздоровление», «исцеляющий». Молодой охотник, преследуя стадо горных козлов, сорвался со скалы и сломал ногу. Его принесли в поселение: голень была сломана в средней трети, осколок кости проткнул мышцы и кожу. Когда я его внимательно осмотрел, мое медицинское образование пришло в ужас: открытый перелом, нет рентгена, нет спиц и штифтов для фиксации костных обломков, и, самое главное, нет средств для анестезии.

Но оставить беднягу без помощи, означало обречь его на мучения и полную беспомощность, если ему удалось бы выжить. Анестезию заменил болевой шок, от которого бедняга потерял сознание, а длинные рожковые ключи создали каркас для иммобилизации конечности. Труднее всего было сопоставить костные обломки, но и с этой задачей я справился. Когда закончил, поразился: провозился около трех часов, но сейчас бедолага спал, с надежно зафиксированной конечностью. С помощью Хада предупредил его молодую жену, которой вряд ли было больше шестнадцати лет, что четыре ру-

ки дней парень не должен вставать. Для надежности привязали его травяными веревками к самодельному ложу, которое смастерили Лар и Раг.

Я периодически навещал беднягу Хума. Несколько раз снимал повязку, проверяя на подвижность сопоставленные кости: если образуется ложный сустав, останется на всю жизнь инвалидом. Вчера впервые разрешил ему встать и сделать несколько шагов: Хум, хоть и слегка прихрамывал, но все же ходил самостоятельно, что для Гара было чудом. Как меня просветил Хад, такие больные или умирали сразу, или умирали спустя какое-то время, без должного ухода и полноценной еды. Теперь мое полное имя звучало Макс Са Дарб. Мне такое китайское звучание не нравилось, дал указание звать меня просто Макс. Но, Макс Са прилепилось крепко, со временем перестал замечать приставку «Са».

После удачной плавки железной руды и последующейковки наконечников для стрел, в течение недели мы занимались оттачиванием стрельбы. Конечно, было далеко до успехов английских лучников, но мы уверенно могли попасть в животное размером с антилопу на расстоянии до пятидесяти метров. С дальнейшими тренировками надеялся довести этот показатель до ста метров.

Утром поручил Гау заниматься стрелами, а Раму продолжать выплавлять из руды железные болванки. Сам, с тремя своими приближенными, собрался в путь. С луками за спиной, с копьём в руках и рогаткой за поясом, моя свита в ли-

це Рага, Бара и Лара, смотрелась импозантно и воинственно. Хада оставил за старшего в Плаже, конечно, под чутким контролем Нел. Я, кроме копья и лука, захватил свой пистолет, а с мачете и так никогда не расставался. Утром снял тевиту, чтобы проверить гибкость своего лука: он распрямился мгновенно и снова напоминал идеальную прямую, ни намека на сгиб или усталость дерева.

Вышли мы сразу после завтрака, идти было два дня, с учетом того, что часть пути была через лес и надо было преодолевать каменные насыпи по ходу горной цепи. Чем дальше мы уходили от своего поселения, тем гуще становился лес, местами превращаясь в непроходимую чащу. Приходилось идти в обход, чтобы не лезть через колючие кустарники.

Лес стал редеть на подступах к горной цепи. Обычно мы уходили на охоту и на поиски руды прямо на север, где довольно быстро доходили до гор. Соседнее племя жило восточнее, горная цепь также уходила на северо-восток, но перейти нам ее надо было в любом случае. Подъем мы начали через ущелье, теперь я понимал почему такой недалекий путь занимал два дня. С правой стороны скал сбегал тонкий ручеек, который терялся среди деревьев, доходя до моря мимо нашего поселения.

Первый привал на полчаса сделали после тринадцати часов дня. Часы мне снова пришлось переводить, но теперь уже на два часа вперед.

После отдыха двинулись дальше, узкая осыпающаяся тропинка позволяла идти только след в след. «Идеальное место для засады», – мелькнула мысль, заставляя вытащить пистолет. Но потом, подумав о возможном обвале из-за шума выстрела, снова спрятал его в кобуру. Кобуру я обычно не носил, засовывая пистолет за пояс, но сейчас был официальный визит и надо было выглядеть представительнее.

Соседнее племя было родственно племени Хада, но звали себя они Уна, что в переводе означало «кабаны». Кстати, перевод самоназвания племени Гара означал «лисицы». А вот племя Нел, Луома, не переводилось: просто Луома. По крайней мере, мои Луома не знали, что означает это название.

До того, как племя Гара оставило свое прежнее поселение и ушло на два дня пути на юг, оба племени находились по одну, северную сторону горной цепи. Каннибалы заставили уйти Гара и они преодолели горную цепь, чтобы обезопасить себя. Племя Уна находилось слишком далеко к востоку от каннибалов, поэтому избежало встреч с ними.

Мы расположились на ночлег в этом чертовом ущелье, которое никак не заканчивалось, едва солнце стало клониться к закату. Раг и Бар собрали все, что могло гореть, а Лар ловко разжег огонь куском кремня и металлическим куском размером с мизинец. Такие «мизинцы» мы отковали в первый день нашей плавки: разжигание огня в любую погоду стало легче. Аборигены умели добывать огонь трением, у меня была линза, но с появлением железа процесс стал обыденным и более

не требовал наличия солнца или долгих усилий. Поужинав, мы устроились на ночлег: ребята сторожили по очереди, а же, как Дух Макс Са, был освобожден от этой процедуры. Утром не стали разжигать огонь и, откусывая кусочки мяса, продолжили путь. Вскоре мы миновали самую высокую точку перевала, где явственно ощущался холод, и начали спуск. До подножья спустились довольно быстро, с этой стороны горной цепи склоны были более пологие.

Лес тоже изменился, поредел, на нашей южной стороне он был куда гуще и разнообразнее. Здесь по ходу спуска нам попадались лишь чахлые березы и ели, среди которых выделялись мощными стволами кедры. Именно кедры с нашей и с этой стороны горной цепи навели меня на мысль, что мы обосновались на месте Ливана в моей реальности. Выбор территории для поселения был неплохим, на моей Земле в этих краях зарождались первые цивилизации.

«Интересно, как назовут цивилизацию, которую я хочу создать? – мысль прочно засела в голове. – Русовой, Русистской или просто Русской?»

А что, неплохо звучит в любом варианте.

Я представил урок истории в этой Вселенной спустя много тысяч лет, как учитель прохаживается по кабинету и рассказывает ученикам:

«Сегодня мы разберем возникновение русской цивилизации, что произошло на десять тысяч лет раньше последующих: шумерской и вавилонской. Как вам известно, у истоков

возникновения цивилизации стоял человек по имени Макс Са Дарб.

Древние источники не могут сказать, ни кто он, ни как сумел в условиях каменного века основать цивилизацию, уровень которой опередил свое время на десятки тысячелетий. По одним данным – он межзвездный путешественник, по другим (а есть и такая теория), – это Высший Разум, принявший облик человека. Так или иначе, его появление на нашей планете Терра стало причиной эволюционного прыжка, кардинальным образом изменившего ход развития человечества, а также позволившего параллельно развиваться двум основным ветвям: человеку простоходящему и человеку созидающему.

Человек простоходящий в своем эволюционном развитии не претерпел значительных изменений и дошел до наших дней практически без изменений. Всем нам они известны, как представители Эректоидной Расы.

Человек же созидающий эволюционировал. Есть предположение, что все представители этой ветви человечества, так или иначе, являются потомками мифического Макс Са Дарба. Мы с вами тоже являемся его потомками и относимся к Креаторской Расе. А теперь, дети, кто готов ответить на домашнее задание, поднимите руку».

Прорисованность деталей в этом мысленном видении была настолько реалистичной, что я даже не понял, как очутился здесь, среди деревьев, в компании дикарей. Встряхнул

головой, отгоняя наваждение: «И придет же такое в голову!» Но какой-то отпечаток этот образ оставил, словно я реально заглянул в будущее.

Впереди послышался шум, и Лар мгновенно остановился, показывая жестами соблюдать тишину и неподвижность. Убедившись, что мы присели и не шумим, охотник скрылся среди кустов. Вернулся буквально через пару минут:

– Макс Са, рядом большой Гуц, – так Гара называли медведей. Медведь – опасный хищник. Тот, которого я один раз видел в лесу, превосходил земных собратьев в полтора раза. Раздумывал я недолго: нас четверо, мы вооружены прекрасными луками, наконечники стрел железные и наточенные. Есть копьа, также с железными наконечниками бритвенной остроты. А в моем пистолете – пулевой патрон усиленного действия, специально созданный под крупных хищников.

– Так, слушайте меня, мы заходим с разных сторон и стреляем в Гуца из луков. Стреляем, пока он не упадет. Если Гуц побежит на кого-нибудь из нас, бросаем копьа ему в живот или сердце и скрываемся за деревьями. Остальные в это время стреляют из луков и бросают копьа.

Увидев на лицах своей свиты сомнения в благополучном исходе, добавил:

– Если все будет плохо, у меня есть Большой Шум, Гуц будет убит.

При упоминании пистолета на лицах парней проступило явное облегчение. Мы, крадучись, прошли около сорока

метров за Ларом, пока он не дал знак остановиться. Выглянув из-за густого куста, я увидел медведя, который лакомился ягодами в густом кустарнике. «Как медведь в малиннике», – прозвучало в голове. Малина это или другая ягода, но раз зверь ею лакомится, то и нам подойдет.

Я уже собирался дать команду рассредоточиться, чтобы охватить медведя полукругом, как на поляне появилось новое действующее лицо, точнее – целых три. Крупные львицы, сомнений в том, что это именно они, не было никаких.

Львицы шли на медведя, нисколько не смущаясь его габаритов, он же, в свою очередь, повернулся к неприятелю лицом и устрашающе взревел.

Не издав ни единого звука, все три кошки рванулись к медведю, но тот был не промах: ударом левой лапы он отшвырнул первую львицу, которая отлетела на пару метров, и когтями правой прочесал по боку второй. Третья успела вцепиться в ляжку и сомкнуть челюсти. Взревев, медведь крутанулся, пытаясь смахнуть кошку, но задеть ее лапой ему не удавалось. Вторая львица, воспользовавшись тем, что медведь отвлекся, вцепилась в бедро, но неудачно: она оказалась в пределах досягаемости медвежьей лапы, и на нее обрушилась когтистая смерть, разодрав относительно мягкий живот.

Жалобно визгнув, львица отскочила, сквозь разодранное брюхо показались петли кишечника. Сделав около пяти шагов, кошка завалилась на бок. Медведь сражался с двумя

львицами отчаянно: ему удалось раз попасть лапой по львице, что вцепилась ему в ляжку, но вторая в этот момент смогла вцепиться ему в горло. В отчаянной попытке медведь буквально отодрал от себя львицу, расплосовав ей оба бока, но та уже успела прокусить артерию.

Несмотря на бьющую фонтаном кровь, медведь пытался стряхнуть львицу, но движения его становились слабее. Уже падая, он умудрился заехать когтистой лапой по третьей львице, которая с громким визгом разомкнула пасть и отскочила в сторону: две глубокие царапины через всю морду кровоточили, заливая ей правый глаз. Косолапый сделал усилие подняться, но жизнь уже покидала его могучее тело: захрипев он конвульсивно заскреб когтями по земле. Наконец, гигант, протяжно вздохнув, затих.

Первая львица к этому времени сдохла, вторую жизнь покидала медленно, но верно. Третья была легко ранена, но ослепла на один глаз.

– Все, стреляем в львицу, – скомандовал я, скосив глаза и убедившись, что луки натянуты.

Львица услышала или почуяла нового врага: ее уши стали торчком, и в этом этот момент в ее тело вонзились три стрелы, четвертая прошла мимо. Кошка бросилась в кусты, за которыми мы скрывались. Я вытащил пистолет, и в этот самый момент Лар кинул копье, которое вонзилось львице в грудь. С учетом ран, доставшихся от медведя, и стрел, копье перевесило жизненные способности львицы: ее передние ла-

пы подогнулись, и она упала на брюхо, пытаясь грызть древно копыя. Рычанье ее слабело, когда мы вышли из-за кустов. Она попыталась встать на лапы, но не смогла.

– Раг, добей ее, но постарайся не портить шкуру, – юноша сорвался с места после моих слов и стал кружить вокруг поверженного зверя, выбирая место для удара. Копье он воткнул в шею, хриплый рык вырвался из пасти львицы, она пристально посмотрела на нас, словно пытаясь запомнить, и уронила голову, заваливаясь на бок.

– Ребята, привал, – скомандовал я своим спутникам, – Снимите шкуру с медведя, мне нужны еще его когти и клыки. Как и клыки львиц.

Получив задание, Лар и братья принялись за работу, а я присел в стороне, охраняя их от непрошенных гостей. Сегодня мы точно не успеем попасть в поселение Уна, но бросать шкуру медведя я не собирался. Этот отважный гигант заслужил, чтобы его шкура украшала трон Прометея каменного века.

Глава 2. Племя Уна

Я смотрел, как трое моих людей сноровисто снимают шкуру с медведя, стараясь не допускать порезов. Правый бок, доступный для работы, ребята закончили быстро. Чтобы продолжить, надо было перевернуть медведя. Сказать легко, а сделать – куда тяжелее: этот гигант, наверное, весил под тонну. Только используя срубленные деревца как рычаг, удалось перекантовать тушу на другой бок. Я передумал вырывать клыки у медведя и потребовал, чтобы шкуру сняли с головой.

Когда, наконец, закончили со шкурой и головой медведя, пришлось отрядить Рага и Бара обратно в Плаж, чтобы женщины сразу принялись мездрить и править шкуру. Насчет головы дал указание парням, чтобы поручили вычистить череп от мозгов, во избежание гниения. Раг пошатывался под тяжестью свежей шкуры медведя, да еще в довесок с головой. Все оружие перешло в руки Бара, на чью долю выпала функция охранника.

Раг пытался отговорить меня от продолжения пути в племя Уна, прося дождаться его возвращения, но я отмел его возражения и потребовал, чтобы он решил вопрос со шкурой медведя и дожидался меня в поселении.

Когда братья скрылись, Лар развел огонь. Я нарезал мелкие кусочки с медведя и, нанизав их на прутики, передал

охотнику. Тот немного робел, оставшись со мной наедине, но указания выполнял четко. После того как поели, сказал ему, чтобы снял шкуру с одной львицы. Их шкура не особо ценна, но для вождя племени Уна сгодится.

– Макс Са, а остальные шкуры снимать?

– Нет, в них нет особой пользы. Долго еще до племени Уна?

– До смерти солнца придем, Макс Са.

Смертью солнца племя Гара называло закат. По их поверьям каждый вечер солнце умирало в пасти злых Духов. И каждое утро оно рождалось по воле добрых Духов. Охотник Лар был неглупым малым, довольно сносно болтал на измененном русском и все схватывал на лету. Это был рослый малый, одного роста со мной, но чуть шире в плечах. Все племя Гара очень походило по описаниям на земных кроманьонцев: высокие, скуластые, с выраженным лбом и пропорционально сложенные. Только ходили немного не так, как люди на Земле: с носка на пятку. Благодаря такой ходьбе ступали они бесшумно.

Столкнувшись с аборигенами в этом мире, я понял, что некоторые мифы в отношении древних людей ошибочны. Так, вопреки общепринятому мнению, от них не несло неприятным запахом. Дикари оказались на удивление чистоплотны по некоторым параметрам. Регулярно охотники племени Гара натирались травами, на мой вопрос Лар тогда ответил, что животные не должны почуять охотника рань-

ше времени. Женщины племени также постоянно возились с травами, все племя пахло свежескошенной травой.

Нел и здесь стала прививать привычку мыть руки, а после того, как нужду стали справлять в построенных сортирах, в самом поселении не осталось неприятных запахов. Версаль семнадцатого века, наверное, «благоухал» куда хуже, чем мой Плаж.

Лар закончил свежевать львицу и выдрал клыки из остальных. Скатав шкуру в валик, закинул на плечо, показывая всем своим видом готовность продолжить путь.

– Идем, Лар, нам надо дойти до заката, нечего бродить в темноте, – я встал, и мы двинулись в путь. Лес чередовался с большими открытыми пространствами, заросшими высокой травой. Я шел за охотником, погруженный в свои мысли: столько дел еще предстояло, что не понимал, с какой проблемы начать. Вернусь в Плаж, вытащу свой блокнот и определю приоритетность задач.

Мы шли уже три часа, я практически налегке, Лар со шкурой, не выпуская своего копья из рук. Лук у него пришлось забрать, он мешал при ходьбе.

– Лар, стой, отдохнем немного и продолжим.

Охотник с видимым удовольствием остановился и присел на корточки, опустив шкуру рядом с собой. Солнце давно перешло зенит и уже катилось к закату. Двадцатиминутного отдыха нам вполне хватило, чтобы почувствовать себя отдохнувшими. Через час ходьбы мы вышли на небольшое пла-

то, откуда открывался вид на долину. Примерно в семи километрах от нас виделись игрушечные хижины поселения племени Уна, или «кабанов». Струйками поднимался дым, еле различимый на таком расстоянии. На первый взгляд мне показалось, что хижин не меньше сорока, но, как выяснилось позже, я ошибся ровно на десятку, преувеличив количество.

Лес закончился примерно в пяти сотнях метров до поселения, дальше шла долина с редкими деревьями и кустарниками. Нас заметили, со стороны хижин несколько мужчин двинулось навстречу трусцой. Мне показалось странным, что племя расположилось так далеко от леса, но, лишь попав в поселение, я понял причину: речка, сбегавшая с далекой горной гряды на юге, проходила по его краю. Близость питьевой воды сыграла основную роль в выборе места для стоянки племени Уна.

Пятеро дикарей, вооруженных тонкими копьями с каменными наконечниками, приблизились и, заняли выжидательную боевую позу, всматривались в нас, пока Лар не заговорил, переводя мои слова:

– Мы пришли как друзья, это – Великий Дух Макс Са, я – охотник Лар из народа Гара, что живет теперь на той стороне каменной горы. Мы пришли как друзья и хотим говорить с вождем.

Мужчины переглянулись и снова уставились на нас, не проронив ни единого слова.

Я показал руки ладонями, демонстрируя, что наши наме-

рения мирные и в руках нет оружия: пистолет был в кобуре, мачете – за поясом, лук и копье лежат на земле.

– Идем, – это сказал старший из пяти, чье лицо пересекал шрам, начинавшийся у правой брови, который деформировал губы справа и заканчивался на подбородке. Я подобрал лук и копье, Гар свое копье так и не выпустил из рук. Когда мы подошли к крайним хижинам, из них высыпали детишки и женщины, которые были очень похожи на женщин Гара: высокие, мощные и с пятым размером груди.

Хижина вождя стояла в центре, от нее влево и вправо веерообразно расходились остальные хижины. Рядом с хижинной вождя рос мощный кедр, его складчатые ветви простирались над хижинной, отбрасывая тень, в которой мы ожидали выхода вождя наружу.

Несколько минут спустя на свет из черного проема появилась фигура: громадный широкоплечий мужчина с рыжей бородой по грудь уставился на меня, смотря сверху вниз. Два метра в нем было однозначно. Мощные грудные мышцы перекатывались при малейшем движении.

– Говори Лар, – дал я команду охотнику.

– Великий Дух Макс Са и охотник Лар пришли к вам как друзья и хотят предложить вам дружбу, – Лар запнулся, потому что сейчас следовало передать мои слова о переселении племени на побережье с целью объединиться с племенем Русов, которое состояло из русского, Луома и Гара. Он оглянулся на меня, я кивнул, чтобы парень продолжал.

– Великий дух Макс Са Дарб предлагает вашему племени переселиться ближе к Большой Воде, которую нельзя пить, чтобы ваши женщины были сыты, а охотники вооружены таким оружием.

С этими словами охотник протянул копье с железным наконечником вождю. Тот взял его, вскинул в руке и практически без подготовки метнул в кедр. С глухим стуком наконечник вошел в дерево, и древко копья затрепетало. Вид копья, прочно сидевшего в дерево, на Уна произвел впечатление. Послышались восхищенные восклицания, только лицо вождя не выражало эмоций.

Мы ожидали ответа, громадина подошел к дереву и выдернул копье. В стволе остался глубокий след от наконечника, дикари, словно малые дети, галдели, рассматривая его. Некоторые слова мне были знакомы по племени Гара. Но основная речь оставалась неузнаваемой.

– Разве мои воины без оружия и мои женщины умирают с голода?

Лар перевел слова вождя. Отвечать следовало мне, и я начал осторожно, чтобы не провоцировать этого монстра:

– Нет, вождь, ты великий воин, но все меняется. Скоро с севера придут много сильных племен, и, если мы будем вместе, нам будет легче их убить. У Большой Воды много места, у нас много воинов, у вас много женщин. Мы можем стать одним племенем, и наше оружие будет самым сильным оружием.

Лар переводил мои слова, вождь слушал внимательно, наклонив голову с копной волос, напоминавшей львиную гриву.

В один момент мне показалось, что он понял выгоду от слияния, потому что еще в прошлый приход сюда Хад прожужжал уши о могуществе Великого Духа и его чудесах.

– Тар, – прозвучало из толпы дикарей, и они мгновенно расступились, пропуская вперед невысокого пожилого мужчину с кучей мелких костей на руках. Подойдя к вождю, он костью очертил круг на земле и с завыванием бросил в этот круг кости. Трижды повторив этот ритуал, шаман, а это без сомнения был он, увлек в сторону вождя. Тот покорно последовал за шаманом, даже немного уменьшившись в размерах.

Не знаю, о чем шла речь, но предчувствия у меня были нехорошие. Вспомнив свое эффектное появление у селения Гара, вытащил пистолет и сменил два дробовых патрона на сигнальные. При необходимости устраю огненное шоу, пусть Уна убедятся, что Великий Дух Макс Са Дарб – повелитель огня.

Диалог между вождем и шаманом закончился, на площадке перед хижиной вождя, пожалуй, собралось все племя: стояла практически мертвая тишина. Лар обеспокоенно взглянул на меня, сжимая копье так, что побелели костяшки пальцев.

– Лар, не дрейф, русские не сдаются, – подбодрил я парня,

и хотя он не понял смысла моих слов, заметно успокоился.

Шаман закончил диалог и толкнул вождя в грудь, выкрикивая:

– Заа, заа.

– Он сказал убить, – перевел мне Лар, схватывая лук и накладывая стрелу.

Вождь остановился в трех метрах от меня и сказал несколько слов. Убедившись, что Лар начал переводить, добавил еще несколько фраз.

Короче, меня обвинили, что я ложный дух, и вызвали на поединок до смерти. Переведя, Лар обратился ко мне:

– Макс Са, я буду с ним драться.

Нет, Лар, ни у тебя, ни у меня нет шансов против такого громилы, который взял дубинку толщиной с руку человека и под два метра в длину, и поигрывал ею в ожидании поединка. Теперь тишины не было: шум стоял, как на стамбульском базаре в субботу: дикари спорили, кричали, топали ногами, требуя зрелищ. Хорошо хоть хлеба у меня не просили.

Я отдал свой лук Лару и, взяв копьё в левую руку, сделал шаг навстречу вождю племени Уна. Тот мгновенно преобразился, немного согнувшись и ухватившись обеими руками за дубину.

Отвлекая его внимание, нарочито медленно поднял левую руку с копьём. Проследив за его взглядом, правой выхватил пистолет из кобуры и выстрелил сигнальным патроном

в грудь с расстояния около трех метров.

Ошеломленные Уна застыли на несколько секунд и попадали вниз, все, кроме одного: вождь стоял на ногах, а из его груди било пламя, примерно в полметра, сыпля искрами. Простояв около десяти секунд, он опрокинулся навзничь, продолжая искрить словно бенгальский огонь. Судорожно дернулись ноги, и через мгновение он затих: воздух наполнился запахом жареного мяса и паленых волос.

Я подошел к шаману, лежавшему в пяти метрах от трупа вождя, и ткнул его кончиком копья, заставив вскрикнуть.

– Вставай, ублюдок!

Шаман прекрасно понял русский язык и, вскочив на ноги, плюхнулся на колени, приложив свои проклятые шаманские губы к моим стопам.

– Все встаньте! Лар, скажи им, чтобы встали и слушали меня!

Охотник перевел: первыми встали дети, за ними женщины и лишь потом осмелели мужчины.

– Я Великий Дух Макс Са Дарб, прилетевший к вам с неба, живущий на небесных огнях, что светят ночью, говорю: теперь я – ваш вождь, а вы – мое племя, и вы пойдете со мной к Большой Воде, которую нельзя пить. Вы будете делать то, что я вам скажу. Любого, кто не послушается, я уничтожу огнем, потому что я – само светило, что согревает вас днем. А теперь готовьтесь, завтра утром мы уходим к Большой Воде!

Лар перевел, недоумение, страх, растерянность были на-

писаны на лицах дикарей. На их глазах свершилось чудо, Великий Дух сделал Большой Шум, и Огонь сожрал вождя Тара, которого они считали непобедимым.

– Лар, скажи им, что любого, кто попытается бежать, я уничтожу. И пусть занимаются своими делами, утром мы возвращаемся. Шамана приведи в хижину вождя, мне надо поговорить с ним.

Я прошел к хижине, Уна расступались передо мной, склонив головы, некоторые повторно падали на колени. В хижине было довольно прохладно и темно, и я не сразу заметил двух молодых женщин, которые возились с грудными детьми. Лар притащил шамана, челюсть которого выбивала степ.

– Как тебя зовут старик?

Выслушав Лара, тот ответил:

– Хер.

Я расхохотался. Лар и Хер смотрели на меня с удивлением. «Хер, Хер», – повторял я сквозь слезы от смеха, не в силах успокоиться. Нет, мне определенно нравится эта Вселенная, она охренительно точно дает имена здешним людям. Успокоившись, я обратился к Херу, с трудом подавив новый приступ смеха.

– Значит так, Хер ты собачий, – и снова приступ смеха прервал мои слова. Смеялся так сильно и долго, что заболели мышцы пресса. Нет, с этим надо что-то делать, или убить Хера к херам собачьим, или переименовать.

– Короче, я даю тебе новое имя, отныне ты будешь зваться

Пес! Но, по сути, ты останешься Хером, как тебя ни назови. Ты жить хочешь? – задал я ему прямой вопрос.

Жить Хер хотел, хотел так сильно, что слюну пустил и обмочился от страха: в хижине завоняло ацетоном. Хер, херо-вы твои дела, у тебя, судя по запаху, сахарный диабет, вряд ли ты долго протянешь.

– Так вот, Хер или Пес, ты будешь шаманить, как я тебе скажу, и будешь говорить людям, что я тебе скажу говорить. Если ты одно слово добавишь от себя – я сожгу тебя. Ты меня понял?

Хер внимательно выслушал Лара и затараторил в ответ.

– Он отдает свою жизнь Великому Духу Макс Са и готов выполнять любые указания.

– Вот и отлично, Лар, а теперь мы выйдем, он соберет народ и скажет, что гадал, пусть даже погадает на костях, что все Духи велели идти к Большой Воде и подчиняться мне без единого звука.

Охотник перевел, и Хер закивал, прикладывая руку к груди.

Мы вышли наружу, и Хер неожиданно звучным голосом стал созывать народ. Когда племя собралось, он снова начертил на земле круг и трижды кинул туда кости. Затем бросился на землю, приложив ухо к земле, добежал до ручья и окунул голову в воду. Последним действием были прыжки с широко открытым ртом.

Тяжело дыша, Хер начал говорить: стояла мертвая тиши-

на, и его слова долетали до всех. По лицу Лара я видел, что свою часть уговора Хер выполняет отлично. Закончив говорить, Хер снова бухнулся на колени передо мной и, подняв мою ногу, поставил ее себе на голову. Меня внутренне передернуло, но и я свою роль отыграл на пять с плюсом, грозно обводя взглядом толпу новых сородичей. Они прятали глаза, гнулись и даже дрожали. Великий Макс Са Дарб получил свежие силы в свое племя, теперь пора заняться обустройством порядка.

Солнце уже садилось за горизонт, когда две женщины в хижине бывшего вождя поставили передо мной еду: жаренное на огне мясо и какую-то бурду, цвет которой при свете небольшого костра в хижине трудно было разглядеть. Лара я оставил с собой, мало ли, найдется в племени мститель. Но, судя по всему, смерть вождя всех устраивала. Видимо, покойный был крут на расправу.

Мне удалось увидеть редкую церемонию похорон: в стороне от поселения каменными опорами выкопали неглубокую яму. В эту яму набок уложили мертвого, подогнули ему колени так, что они касались подбородка. «Поза эмбриона», – промелькнуло в голове. Затем покойного обсыпали смесью из растолченных листьев красного цвета. Сверху положили его каменное рубило, накрыли тело плоскими камнями. После плоских камней пошли в ход обычные камни, и вскоре небольшой бугорок из камней обозначил могилу покойного вождя.

Увидев, что я к бурде не притронулся, одна из молодых женщин (как оказалось, у вождя были две постоянные жены и он брал любую по своему желанию), знаками показала мне, что это вкусно. Она сложенными пальцами имитировала, что берет эту бурду и кладет себе в рот, запрокидывая голову. Затем делала глотательное движение, причмокивая от удовольствия.

Заинтригованный таким ее поступком, я набрал пальцами непонятную массу и отправил в рот. Немного пожевав, к своему удивлению, почувствовал вкус алкоголя. Алкоголя, Карл!

– Лар, принеси сюда огонь!

Охотник послушно выдернул горящий сук из костра и поднес мне. Подняв топорную глиняную миску, я всматривался в желеобразную массу, пока на глаза не попало зернышко, маленькое зернышко. Выхватив горящую палку из рук Лара, я максимально приблизил ее к миске: без сомнения, в миске было зернышко и, без сомнения, по форме это было зерно злаковой культуры.

Глава 3. Ячмень

Я столько сил потратил, разыскивая растительную пищу, которую можно окультурить и выращивать, чтобы не зависеть от собирательства и охоты. А все это время буквально за горной цепью жило племя, которое злаковые употребляло в пищу. Мой поход в соседнее племя оказался невероятно успешным: убил вождя, получил ручного шамана с невероятно пристойным именем Хер и нашел злаковые. Что это? Просо, ячмень или пшеница?

Я склонялся к варианту, что это ячмень: уж больно привкус был похож на слабенькое просроченное пиво.

– Где вы это берете? Где?

Женщина испуганно отпрянула от меня и забилась в угол, скуля от страха. Похоже, покойный держал ее в ежовых рукавицах. Она, кажется, даже разговаривать боится.

– Лар, скажи ей, что не надо бояться, я ей ничего не сделаю. Просто пусть скажет, где они берут такую еду, где она растет?

Охотник подсел к испуганной женщине, забившейся в угол хижины, и вполголоса выпытывал у нее информацию. Минут через пять, Лар вернулся ко мне.

– Они называют это «сот», сот растет прямо из земли, но его собирают, когда очень жарко, до того, как небо начинает плакать. Растет сот в долине, что один день ходьбы от де-

ревни. Сейчас время, когда собирают сот, они собирали два дня. Через две руки дней сот падает на землю и его трудно собирать.

– Понятно. Лар, мы завтра не идем домой. Все будут собирать сот, это хорошая еда. Я научу вас ее готовить. Позови ко мне Хера, хер его возьми со своим именем.

Охотник выскользнул наружу. Дикарка же, убедившись, что наказание ей не грозит, осмелела. Она крутилась по хижине, ее небольшая набедренная повязка не могла скрыть мощных ягодиц, а грудь вообще была оголена. Но сейчас мне было не до нее, вопрос даже был не в верности Нел, просто мои мысли были заняты ячменем.

Расчистить от пней участок, на котором мы срубили деревья, распахать его и посадить. Может, в год удастся и два урожая снимать. Если сделать жернова, будет мука, а, значит, лепешки и со временем – хлеб. При мысли о хлебе потекли слюнки, заставив судорожно сжаться желудок.

Лар и, следом за ним, Хер вошли в хижину: первый вошел как человек, второй вполз как пес, только хвоста не было, чтобы вилять.

– Лар, скажи ему, что завтра все должны собирать сот. Мы уйдем, когда соберем весь сот, и не раньше. И чем быстрее соберем, тем лучше будет для него.

Охотник перевел мои слова, и шаман быстро закивал, изображая глубочайшую песью преданность, словно оправдывая свое второе имя Пес, что я ему дал. Отпустив шама-

на, заставил женщину из хижины (вторая куда-то исчезла с детьми) хорошенько вытрусить все шкуры. Пришлось прибегнуть к помощи Лара, чтобы аборигенка поняла.

Получив немного очищенные шкуры, лег и постарался уснуть. Лар расположился у входа, чтобы сторожить и контролировать обстановку. Женщина предприняла вторую попытку: сбросив набедренный кусок шкуры, поблескивая кожей при свете небольшого костра, стала подползать на четвереньках, прогнув спину. Против своего желания почувствовал, как вздрогнул, наливаясь кровью, один орган моего тела. Но усилием воли прогнал нарастающее возбуждение. Женщине хватило взгляда, чтобы скукожиться и забиться в дальний угол.

Проснулся я очень рано, небо только начинало алеть на востоке, но половина племени уже была на ногах, во главе с вездесущим Хером. «Каламбур получился», – усмехнулся про себя. Лар тоже был на ногах, а вот искусительница-сирена с бычьими ляжками все еще спала. Лар, увидев такой беспорядок, пинком под мощный оголенный зад разбудил хозяйку, которая сразу засуетилась, готовя еду.

Через полчаса мы выступили почти всем племенем: люди несли с собой миски, шкуры, даже кору деревьев, содранную большими кусками.

«Один день ходьбы», о котором говорила женщина, на самом деле оказался лишь двумя часами. Может, я просто подгонял их, стремясь быстрее дойти – сами дикари нетороп-

ливы, да и куда им торопиться? На работу не надо, в садик детей не отведешь, в пробки попасть тоже нет боязни, да и ипотека над ними не висит. Так и живут сегодняшним днем, есть еда – жрут от пуза. Нет еды – пальцы сосут и просят шамана покамлать, чтобы животные сами пришли на убой.

Ячменное поле, как я его окрестил, оказалось довольно большим. Только рос ячмень редкими пучками, порой на расстоянии нескольких метров до другого пучка. Опустившись на колени, я трогал колосья руками, радуясь как ребенок.

Работали все: и мужчины, и женщины, боясь разогнуться под моим взглядом. Через несколько часов неустанной работы ресурс поля исчерпался. На мой взгляд, мы собрали больше трехсот килограммов злака. Теперь все это предстояло донести до селения, а потом и через перевал, до Плажа.

Возвращались осторожно, шаман всех предупредил, что сот нужен Великому Духу для пополнения небесной силы и всякого уронившего ждет небесный огонь. Небесным огнем Уна называли молнию, именно с ней у них была ассоциация при моем выстреле в вождя. Следовало надежно упаковать весь ячмень, чтобы при двухдневном переходе не терять его. Наверное, придется реквизировать все шкуры и сделать из них подобие мешков. Весь ячмень приказал складировать у хижины покойного Тара и принести шкуры, чтобы свернуть их в мешки.

Женщины Уна умели плести веревки, хотя, на мой взгляд,

веревки Гара были прочнее. До самых сумерек продолжалась работа, никто не посмел отлынивать. Шкуры сворачивались в кулек, низ плотно обвязывался веревкой из травы. Потом засыпали ячмень, оставляя сантиметров двадцать до верха. Верх шкуры собирался гармошкой и туго связывался веревкой.

Когда мы закончили, я насчитал двадцать один самодельный мешок разной формы и вместимости. Мои первоначальные расчеты оказались немного завышены, трехсот килограммов точно не наберется, максимум около двухсот.

Я отпустил уставших людей, объявив, что с утра мы уходим к Большой Воде. Вторая ночь прошла без попыток соблазнения. Женщина, ее звали Сал, оказалась умнее и решила, что вождь сам решит, когда и как. Она скромно устроилась в уголке, но утром оказалась рядом и лежала, закинув ногу на мои. Теперь я знаю, откуда эта тяга у женщин, ночью частично залезать на мужчину во время сна. Это инстинктивное желание быть защищенной и согретой.

Когда я вышел, все племя уже ожидало. Рассортировал их по половому признаку, пересчитал. У меня было весомое прибавление в племени Русов: двадцать шесть мужчин, тридцать две женщины, пятеро из них с грудными младенцами на руках. И два десятка детей, возрастом примерно от трех до десяти лет в моем земном эквиваленте.

– Лар, ты знаешь дорогу на Плаж, поэтому ты идешь первым. С тобой идут три руки мужчин, потом женщины и де-

ти. Я и оставшиеся мужчины идем последними. Остановимся там, где Гуц дрался с Рохами. Если будет опасность, враг или животные, ничего не делаешь, говоришь мне. Пусть Хер идет рядом с тобой, но смотри за ним внимательно. А теперь пусть шкуры с сотом возьмут женщины без детей и мужчины без оружия.

В племени было несколько человек, точнее трое, которых назвать воинами было трудно. Двое хромали, а у одного сломанная левая рука срослась с образованием ложного сустава. Эти трое не бойцы в случае нападения. С другой стороны, близко вроде нет чужих племен, а звери вряд ли решатся напасть на такую толпу людей.

Наш многолюдный табор двинулся в путь. Чем хороши древние люди, так это молчанием. Даже дети не плакали, практически мы шли в молчании. Громче всех топал я, никак не привыкну ходить бесшумно. Уна шли молча, никто не перекрикивался, не рассказывал анекдоты и не ржал над тупыми шутками. К месту сражения медведя с львицами мы подошли после обеда.

Лар остановил движение нашей колонны, и люди моментально занялись делом: дети таскали хворост, женщины вытаскивали из свертков шкур куски вяленого мяса, поили детей водой, что несли в глиняных сосудах и в высушенных плодах, похожих на небольшие тыквы.

Я прошелся по поляне, падальщики хорошо потрудились за эти двое суток: от медведя остались только кости, трупы

львиц были объединены лишь местами. Взгляд упал на кусты, в которых лакомился медведь, прежде чем на него напали львицы. Сорвав несколько мелких красных ягод, оправил их в рот. Они были кислые на вкус, но вполне съедобные. Размером ягоды были с семечки подсолнуха, и до малины Земли двадцать первого века им было далеко. Но это был природный витамин С, а значит, его нельзя было оставлять здесь.

Куст был мощный, пришлось поискать более молодые, чтобы раскопать, не травмируя корни. Чуть в стороне нашлась группа из трех относительно небольших кустов. Используя мачете как лопату, подрыл землю вокруг и выкопал все три куста при помощи Лара и еще одного охотника Уна, который старался помочь и лез под мачете. Кусты удалось откопать вместе с землей. Корни с оставшейся на них землей завернул в шкуру, предварительно смочив, и поручил нести охотнику, который в желании помочь лез мне под руки.

– Лар, скажи ему, что корни надо поливать водой и беречь эти кусты. И посмотри, если все поели и отдохнули, нам надо идти, чтобы переночевать, спустившись с перевала.

Охотник кивнул и ушел выполнять поручение, дикарь Уна бережно держал кусты в руках, словно младенца

– Как тебя зовут? – спросил я своего новоявленного Пятницу, следовавшего за мной по пятам. Ряд простых фраз на языке Гара я знал, а племена были родственные и друг друга они понимали хорошо.

– Ара, – ответил мой «Пятница», бережно держа в руках

драгоценный груз.

– Хорошо, иди, – махнул рукой, отпуская пращура армян в параллельной Вселенной. Лар, обойдя племя, вернулся ко мне:

– Макс Са, все поели и готовы идти.

– Тогда давайте двигаться. Лар, веди племя на перевал.

Охотник убежал, по дороге криками поднимая засидевшихся людей. Молча и безропотно поднимались Уна, напоминая мне сцену из фильма про черных, вывозимых европейцами с континента в качестве рабов. Такая же обреченность была написана на лицах дикарей, когда, схватив свои шкуры и нехитрый скарб, они вновь потянулись за Ларом.

Я шел последним, отставая метров на десять: все еще не доверял новоявленным сородичам, ожидая от них пакости. Как оказалось – напрасно: мужчины Уна, шедшие в конце колонны, боялись даже смотреть в мою сторону. Только этот прохиндей Ара все время пытался оказаться поблизости, демонстративно попадаясь мне на глаза.

Что ж, по крайней мере, суть человеческой природы была одинакова в обеих Вселенных, у меня даже созрела мысль со временем сделать этого армянина, тьфу, Ара, своим начальником контрразведки по выявлению недовольства в племени. Почему рушились великие династии? Потому что не была налажена работа по своевременному выявлению заговорщиков и претендентов на престол. Я такой ошибки не допущу.

К месту нашей ночевки на перевале по дороге в племя Уна мы подошли еще засветло, солнце только клонилось к закату. Подозвав Лара, дал указание идти дальше: если успеем спуститься с горной гряды, завтра останется всего полдня пути. К подножию горной гряды мы спустились уже в темноте. Пришлось зажигать самодельные факелы, чтобы не оступиться на камнях во время спуска.

Расположились на ночь, в этих местах могли водиться хищники, подножия гор – любимое место охоты многих кошек. Распорядился, чтобы по трое воинов дежурили, сменяя друг друга. Не знаю, как Лар справился с этим заданием, но я вырубился, едва коснулся земли. Утром, когда я проснулся, все племя было на ногах и, успев позавтракать, ждало моего пробуждения. Рядом со мной сидел Ара, на земле лежали кусты малины, а мой охранник сжимал в руках каменный топор.

Увидев, что я проснулся, Ара улыбнулся, показывая великолепные белые зубы, и рукой аккуратно похлопал по кустам малины: дескать, все под контролем, шеф.

«Определенно, этому парню очень нужна эта работа», – я усмехнулся, и дикарь, расценив мою усмешку как одобрение, чуть не растекся по земле от радости. Не став задерживать движение, кусок сушеного мяса можно пожевать и на ходу, дал команду Лару начать движение. В полдень мы будем в лагере. А там моя беременная женушка постарается накормить меня до отвала.

На сердце стало тепло и приятно, вспомнив про Нел. До сих пор ни в племени Гара, ни в племени Уна я не встретил девушки или женщины, которая могла бы соперничать с Нел по красоте и стройности. В обоих племенах женщины были похожи на коней-тяжеловозов, а моя Луома смотрелась арабским тонконогим скакуном.

Места становились знакомыми по мере приближения к Плажу: мы прошли поляну, где однажды видели огромного медведя, благодаря которому научились получать древесный уголь.

Одна из женщин в колонне была беременной и, судя по огромному животу, на последнем сроке. Она шла в центре колонны, нам оставалось идти около часа, когда в колонне послышались женские возгласы и часть женщин остановилась. Быстро дойдя до них, я понял в чем дело: у женщины отошли воды, и она была в родах.

Лар также приблизился с головы колонны, увидев заминку.

– Лар, командуй людям, что мы остановимся и подождем, пока родится ребенок. Только потом продолжим путь.

Охотник прокричал мои слова, и люди устало опустились на землю. Возле роженицы суетились две женщины, их голоса были встревоженными.

– Лар, что случилось, почему такой шум?

Пока охотник выяснял у женщин, с чем связана такая их

тревога, появился Хер. Вслушавшись в голоса женщин, он отрицательно покачал головой и затараторил, привлекая мое внимание.

Вернувшийся Лар, перевел его слова и тревоги женщин:

– Они говорят, что она умрет. А шаман говорит, что женщина проклята духами, ее ребенок ее убьет, и они оба отправятся к духам.

– Лар, что за херню ты несешь? При словах «херня» шаман дернулся, посчитав, что я его зову. Жестом показал ему, чтобы расслабился.

– Я не знаю, Макс Са, иногда женщины умирают, когда приходит новая жизнь.

Охотник смущенно переминался с ноги на ногу, уязвленный тем, что не мог дать мне всей информации.

– Лар, позови сюда одну из женщин, – велел я охотнику.

Минуту спустя передо мной, потупив глаза, стояла немолодая женщина. Ее некогда крупная грудь сморщилась и обвисла, крупные соски смотрели немного вверх, словно тянулись к солнцу.

– Лар, спроси у нее, что за проблема у этой женщины, почему она должна умереть?

Охотник перевел мой вопрос. Женщина помедлила секунду и начала говорить, часто прерываемая охотником. Когда их диалог закончился, охотник повернулся ко мне:

– Она говорит, что женщина неправильная. Она первый раз дает жизнь, но не сможет, потому что она проклята ду-

хами.

«Да еперный театр, задолбали вы со своими проклятиями», – я встал и направился к роженице, которая полулежала на земле, опираясь на локти.

Когда подошел, женщины испуганно расступились, сама роженица побледнела, несмотря на смуглую кожу, и даже перестала стонать.

Ее огромный живот был неправильной формы, напоминающей формой грушу, расположенную поперек. А в надлобковой области выпячивания не было совсем. Я осторожно приотронулся к животу, стал пальпировать, пытаюсь нащупать головку плода. Нашупал ее в правой подвздошной области и все встало на свои места: никаким проклятием здесь не пахло, это было поперечное положение плода. С учетом излившихся околоплодных вод возможности поворота плода не было никакой. Женщина была обречена, как и плод, если только не сделать кесарево.

«Ты врач, ты давал клятву Гиппократата», – нудел мой внутренний голос.

«Я в каменном веке, я никогда не делал кесарево», – возражал инстинкт самосохранения.

«Ты дашь ей умереть? А если бы это была Нел и твой ребенок»? – не унимался мой внутренний маркер человечности.

«Она умрет во время операции, даже если выживет, умрет в послеоперационном периоде», – не сдавался инстинкт.

«Ты хотел править, правление – это не привилегия, это и забота о подданных, возьми себя в руки, сукин сын, и спаси женщину и ребенка. И уважение к тебе будет основано не только на страхе», – привел убийственный аргумент внутренний голос.

– Отстань, попробую сделать все, что смогу, – вслух отмахнулся я, вызвав немалое удивление у дикарей. И только Хер воспринял это как должное – не иначе как Великий Дух Макс Са разговаривает с Великими Духами.

– Лар, срубите несколько молодых деревьев.

Мое указание выполнили за несколько минут. Связав дерева, сделал временные носилки, накрыл их шкурой. Дал указание Лару положить туда роженицу и отобрать четверых рослых мужчин.

Когда все было готово, обратился к охотнику:

– Сейчас мы побежим, у нас мало времени. Лар, ты пойдешь последним, смотри, чтобы никто не отстал и не потерялся. Передай мои слова племени, мы уже близко от Плажа.

Охотник перевел мои слова, возражений не последовало. Я, через Лара, проинструктировал четверых носильщиков, чего от них хочу: плавного бега. Чтобы роженица не выпала из носилок.

– Вперед, – дал я отмашку и побежал неторопливой трусцой. Носильщики с роженицей бежали рядом. Растянувшись, за нами следовало трусцой племя.

Не прошло и двадцати минут, как мы выскочили из лес-

ной опушки: перед глазами открылся милый Плаж, который был моим домом, и в нем я хотел попытаться спасти женщину и ребенка.

Глава 4. Кесарево сечение

Едва мы показали из леса, нас заметили: я увидел несколько фигурок, побежавших нам навстречу. Можно было не гадать, что оба брата были среди встречающих, с двумя охотниками. Я только мотнул головой, показывая, что сейчас не до разговоров: воды у роженицы отошли полчаса назад, долго в безводном периоде ребенок не протянет. Пока бежали к Плажу, мучительно вспоминал все операции по кесареву сечению, на которых пришлось присутствовать. На шестом курсе нас даже заставляли ассистировать.

Наша заведующая кафедрой Беленец Наталья Ивановна, слепо верила установке, что любой врач должен уметь сделать эту несложную операцию. Дважды мне пришлось ассистировать ей на операциях, выслушивая ее монотонные пояснения. Малый хирургический набор у меня среди медицинских инструментов имелся, но я был, всего-навсего, ассистентом, да и много лет уже прошло, целая вечность.

Когда мы добежали до поселения, половина племени высыпала навстречу. Послал за Нилой, местной повитухой, но и она, осмотрев женщину, отрицательно покачала головой. Короче, от больной отказались все. Все, кроме меня. Теперь, когда все вынесли неутешительный вердикт, для меня стало вопросом чести спасти мать и ребенка.

Сказав Нел поставить котелок с водой на огонь, сбегал в

палатку, безжалостно отрезал несколько лоскутов ткани от парашюта. Вытащил небольшой металлический контейнер с инструментами: что у меня есть в наличии?

Два скальпеля, один цельный, второй со сменными насадками. Десять кровоостанавливающих зажимов, несколько игл разного размера, ножницы, языкодержатель. По десять ампул с кетгутом, викрилом и шелком. Пинцеты анатомический и хирургический. И еще масса инструментов, которые мне в данный момент не особо нужны.

Когда вернулся, вода в котелке кипела: опустил инструментарий в воду, дал покипятиться минут десять, затем завернул все это в стерильный бинт. Опустил куски парашюта, чтобы тоже покиптались. Тем временем роженице дали жевать листья конопли, которую я обнаружил месяц назад. Надеюсь, это даст хоть малый обезболивающий эффект, мне просто нечем было ее обезболить.

Оперировать решил прямо на носилках, на открытом воздухе. Наталью Ивановну хватил бы удар, увидь она, в каких условиях я собираюсь делать кесарево сечение. Оба племени, позабыв обо всем, стояли полукругом, открыв рты: на их глазах происходило непонятное и непостижимое.

Кусочком бинта, смоченным в спирте, которого у меня был всего литр, тщательно протер живот женщины ниже пупка, на 2-3 сантиметра ниже линии, соединяющей верхние передние подвздошные кости (выступающие точки тазового кольца). Спиртовым тампоном тщательно обработал руки,

здесь не соблюсти полной стерильности, но это лучше, чем ничего. Взял скальпель, рука дрожала. Оглянувшись, увидел склянку со спиртом и сделал глоток: перехватило дыхание, из глаз брызнули слезы. Похватав воздух, словно рыба, выброшенная на берег, начал делать разрез по линии, соединяющей верхние передние подвздошные кости.

Женщина вскрикнула и дернулась, действие листьев конопли было слабым.

– Лар, Раг, держите ее за ноги, – приказал своим ассистентам, – а ты, Нел, держи ее руки. – Убедившись, что Нел одна не справится, подключил еще одну женщину.

Женщину зафиксировали, несмотря на ее мычание и попытки сопротивляться.

Я продолжил разрез, доведя его примерно до пятнадцати сантиметров. Положил скальпель на кусок бинта. Тремя зажимами зафиксировал кровоточащие сосуды. Промокнул куском ткани раны и стал раздвигать мышцы, чтобы добраться до матки. Скальпель пришлось брать снова, чтобы разрезать брюшину. Раздвигаю рукой мышцы, при поперечном разрезе их не надо перерезать, поэтому кровопотеря минимальна и заживает быстрее. Только не рекомендуется при поперечном положении плода идти поперечным разрезом. Матку резать надо продольно. Вот и матка! Теперь главное не задеть ребенка. На матке делаю поперечный разрез, делать продольный не рискнул, у меня разрез кожных покровов и брюшины горизонтальный. Не такой я специалист,

чтобы сделать чистый корпоральный разрез. Засовываю руку, пытаюсь нащупать ножку, вначале попадаетя ручка, ножку тоже нахожу довольно быстро.

Теперь извлечение, этого момента боюсь больше всего: еще в институте поражался, как не отрывается ножка у ребенка, видя, как его жестко извлекают.

Помогая себе второй рукой, вывожу головку, теперь перехватываю, освобождаю тельце и наконец ноги.

– Нила, держи, – повитуха рванулась и приняла у меня ребенка. Ищу лигатуру, чтобы наложить на пуповину и пересечь ее, но не успеваю. Нила зубами перегрызает пуповину и, положив ребенка на ладонь, хлопает его по спине. Новорожденный отзывается громким плачем, и почти сразу оба племени взрываются нестройным хором голосов. На их глазах свершилось чудо, Макс Са распорол женщину и достал ребенка.

Они могут уже радоваться, но мне пока не до радости, еще предстоит выделить послед и ушить рану. Осторожно отделяю послед, но как ни старался, выделить его без повреждений не смог. Фрагмент остался в матке, прилипнув к стенке. Но для меня это уже не важно: матка немного уменьшилась в размере, но кровит женщина неслабо. Хорошо, что сознание потеряла от болевого шока, иначе кровотечение было бы сильнее.

Снова начинают дрожать руки, когда надеваю кетгут на иглу. Глоток спирта, горло обжигает ядреная смесь, задыха-

ьясь, прошу воду. После воды становится легче, делаю первый стежок. У меня нет времени на двухрядный шов, шью однорядным.

Уфф, с маткой закончил, сшиваю брюшину, с ней немного легче. Возвращаю отодвинутые мышцы живота на свое место, начинаю шить кожу с подкожной клетчаткой, глубоко продевая иглу. Мне здесь не до косметического шва. Если она выживет после моего эскулапства, это будет чудо. Кожу и дерму шил шелком, если не умрет моя больная, швы сниму через несколько дней.

Разогнулся и посмотрел на дело рук своих: швы наложены криво, с разным промежутком, но я не практикующий хирург, да и Росздравнадзора поблизости не наблюдаю. Промокнув кожу ваткой вокруг наложенного шва, смоченной в спирте, кладу на разрез чистый кусок ткани и вторым лоскутом ее фиксирую, на манер повязки.

– Несите ее в хижину Рага, – даю указание, и носилки несут за мной. Устал, шея болит, от напряжения сводит скулы. А еще впереди послеоперационный период. Пульс у женщины ровный, но в сознание еще не пришла.

В хижине даю указание Лоа: не давать женщине вставать сегодня и не трогать повязку. Звать меня при любой непонятной ситуации. Лоа кивает головой, вся раскрасневшаяся от важности поручения. В этот момент женщина начинает ворочаться, приходя в сознание. Из-за моей спины появляется Нила с новорожденным мальчиком (я спас будущего во-

ина) и кладет ребенка к груди.

Новорожденный тянет крохотные ручки и находит грудь, тянется губами и присасывается к крупному бурому соску размеров с мой мизинец, причмокивая, начинает сосать грудь. Роженица, которую звали Зиа, открывает глаза и слабо стонет. Но, увидев ребенка на груди, делает попытку улыбнуться.

Я еще раз повторяю инструкции для Лоа, повысив голос, предупреждаю всех, кто столпился рядом с хижинкой, что обрушу небесный огонь, если кто-то меня ослушается. Лар переводит мои слова для Уна. Оставляю женщин и, позвав Лара и Рага, выхожу из хижины: надо позаботиться о приведенном племени, которое стоит сиротливо, озираясь по сторонам.

– Лар, позови сюда Ара и Хера, – охотник громко окликает их, и две фигурки торопливо отделяются из общей массы.

– Лар, переводи мои слова. Сейчас все мужчины Уна пойдут в лес рубить палки для хижин, мужчины Гара им будут помогать. Хижины пусть ставят сразу за хижинами Гара. Объяснишь им, куда справлять нужду, предупреди, что я могу злиться, если не будут слушаться. Женщины Уна вместе с женщинами Гара пусть готовят еду. Пальмы, – для верности показываю на пальмы, чтобы не спутали, – рубить нельзя. Кто срубит пальму – будет наказан.

Я остановился, переводя дух. Лар переводил мои слова, Хер и Ара слушали внимательно, не возражая и не переби-

вая. Убедившись, что охотник все перевел, продолжаю:

– Драться между собой Уна и Гара нельзя. Если есть спор – надо приходиться ко мне, я разберусь. Сегодня поставим хижины, с завтрашнего дня начинаем убирать корни и пни деревьев, чтобы на поле посадить сот. Племя Уна больше не Уна. Теперь это часть племени Рус и язык Рус надо учить. Пусть женщины Уна работают с женщинами Гара. А мужчины также работают с мужчинами Гара. Говорить на языке Уна или Гара нельзя, надо говорить на языке Рус, это язык Великого Духа Макс Са.

Лар перевел и остановился, ожидая моих дальнейших слов.

– Спроси у них, Лар, все ли они поняли.

Охотник задал вопрос, оба слушателя закивали и ответили односложно.

– Они все поняли, Макс Са, просто боятся, что не знают языка Рус и хотят его учить.

– Научатся, куда им деться с подводной лодки. Переводи дальше, Лар, и позови всех с племени Уна и Гара.

Через несколько минут оба племени стояли рядом со мной, ожидая моих слов. Гара уже неплохо владели русским, поэтому мои слова понимали легко. Для Уна переводил Лар, теперь моя речь касалась обоих племен.

– Я – вождь племени Рус, вы все отныне – племя Рус. Моими помощниками являются Хад, Раг, Бар и Лар, и Ара из племени Уна.

Ара, услышав свое имя, встрепенулся и приосанился. Я продолжил:

– Хер будет главным шаманом племени Рус. Нел, – я поискал глазами свою женщину и подозвал ее рукой, – будет главной женщиной племени Рус, и она женщина Великого Духа Макс Са.

Если Нел спокойно восприняла известие, уже привыкнув к своему статусу, то Хер буквально охерел от радости и то-ропливо приблизился ко мне, смотря преданными глазами. У меня были сомнения насчет него, но шаман племени Гара был съеден каннибалами, а другого у меня не было. Шаманы были авторитетной силой, но я не собирался давать ему волю. Голову я ему всегда успею скрутить, но иметь карманного шамана полезно, чтобы неудачи объяснять происками духов.

Все назначения оба племени восприняли спокойно, желающих опротестовать мои слова не было, претендентов на престол в каменном веке обычно мало. Зачем думать за всех и нести ответственность, не получая привилегий. Это потом вожди получают привилегии, с развитием общества. Мне оставалось несколько фраз, чтобы закончить свое выступление.

– Сейчас все мужчины пойдут в лес, чтобы рубить палки и ветки для хижин. Женщины будут заниматься приготовлением еды. Завтра вам надо будет очистить это поле от пней и корней, – показываю рукой на участок примерно в три гек-

тара, где мы срубили все деревья.

– На охоту будете ходить по очереди, Лар будет отбирать охотников, остальные будут работать и слушать Рага, – поочередно показываю на одного и другого своих помощников.

Вроде все сказал, даже устал от своего многословия сегодня.

– Лар, пусть начинают рубить ветки и ставить хижины. До ночи все должны получить свои жилища. Иди и смотри, чтобы все работали, – отпускаю охотника, который начинает раздавать указания мужчинам.

Вырывая ямки своим мачете, рассадил кусты малины, заставил полить кусты Бара, наказав ему поливать каждый день. Малину я посадил чуть в стороне от поселения, в пальмовой роще в южном направлении. Там же планировал построить себе нормальный дом: выйду во двор и под носом кусты малины, практично и полезно. Отряхнул руки, надо было проведать роженицу.

Захожу в хижину Рага: малыш наелся и спит, женщина не стонет, но бледность у нее выраженная.

– Лоа, покорми ее, ей надо хорошо кушать, – даю наставление и покидаю их.

Иду в свою палатку в сопровождении Нел: этот бег и напряженная операция меня вымотали. Нел спрашивает, буду ли я кушать, но я только отрицательно мотаю головой. Мне надо поспать, чтобы восстановиться. Едва войдя в палатку, валюсь на шкуры и моментально засыпаю. Снится мне На-

талья Ивановна Беленец, заведующая кафедрой акушерства и гинекологии во втором медицинском. Она просто в гневе, отчитывает меня за непоставленный дренаж при операции в антисептических условиях.

– Идите вы к черту, Наталья Ивановна, – посылаю ее. – Если вы такая умная, сделайте операцию лучше сами.

Просыпаюсь весь в поту, во рту пересохло, прикладываю руку ко лбу – у меня жар.

«Малярия, ОРВИ или пищевая токсикоинфекция», – пытаюсь вспомнить заболевания, сопровождающиеся высокой температурой. Комаров здесь не видел, а значит, малярия отпадает. На улице ночь, Нел возится с котелком, начищая его песком. Увидев, что я проснулся, кидается ко мне, но я ее останавливаю резким криком:

– Не подходи, стой, где стоишь!

Лицо девушки при свете костра приобретает удивленно-обиженное выражение, я никогда не кричал на нее. Успокаиваю ее, чтобы не разревелась, хотя женщины в каменном веке не плачут.

– Я заболел, Нел. Это может быть опасно, не хочу заражать тебя.

Из моей фразы она понимает не все, но слова «заболел» и «опасно» вычленяет быстро.

– Макс, ты можешь умереть? Но ты же Великий Дух, духи не умирают.

– Нел, даже Духи иногда болеют. Ты сегодня пойдешь

спать в хижину Бара, просто оставь мне еды немного и уходи.

– Макс, я твоя женщина и буду спать с тобой. Что будет с тобой, будет со мной, – в ее голосе столько решимости, что не пытаюсь возразить. Меня беспокоит другое: каков иммунитет у первобытных? А если у меня что-то из двадцать первого века? Например ангина, стрептококк, до сих пор дремавший и решивший проснуться? Я же могу устроить геноцид всему каменному веку. Они не встречались с этими бактериями, и их иммунная система не сможет создать иммунный ответ. Человечеству понадобились тысячелетия и миллионы смертей, чтобы научиться противостоять бактериям. И то с помощью антибиотиков и лекарств.

Среди медикаментов со станции были и амоксиклав, и цефтриаксон, и даже десять флаконов меропонема. Но это мизер, мне надо научиться выращивать пенициллин. История открытия пенициллина Александром Флемингом – любимая история во всех медицинских вузах. Мне всего-то нужен плесневый грибок, но это все потом, сейчас надо было вылечиться самому и предотвратить заражение в племени.

Попытался сосредоточиться на собственных ощущениях: высокая температура. Чувство саднения в горле, сухость во рту. Взял кусочек мяса под взглядом Нел и прожевал. Так, глотание затруднено, ясно: у нас стрептококк, и рисковать здоровьем Нел я не собираюсь.

– Нел, – в моем голосе металлические нотки, – ты сейчас пойдешь в хижину Бара, со мной все будет хорошо, я Вели-

кий Дух и знаю, что делать.

На этот раз послушаться девушка побоялась, понутив голову, пошла в сторону хижины Бара. Хорошо, теперь аптечка. Я точно помню, что у нас был фарингосепт, ангины на МКС довольно частые явления. Фарингосепт нашелся быстро, целых три блистера, мне хватит и одного за глаза. Был также и парацетамол.

Поел немного мяса, несмотря на боль при глотании, потом принял лекарства и завернулся в шкуры. Пропотел через двадцать минут, стало немного легче, ушла головная боль. Пока лежал, раздумывал про планы на ближайшие дни. Первостепенное – очистить поле под ячмень от пней и корней. Затем распахать. Пахать придется сохой, ее я видел много раз в фильмах, и она не представляла собой сложный механизм. А вот впрягать некого, кроме людей.

Выращивание пенициллина также становится приоритетной задачей: если я заражу кого-нибудь, можно вызвать эпидемию. В этом направлении у меня пока все хорошо. Мне нужно развить животноводство: коз и диких баранов в здешних местах хватает, табун лошадей мы видели, когда плыли сюда.

Что удивляло, так это малое количество птиц. Или может место, мы выбрали такое, что птицы его избегали. Надо обязательно начать обучение письменности и чтению: я не собирался учить этому всех, но ближайший круг приближенных должен всем этим владеть. Железа у нас было мало, значит,

придется добывать его шахтным методом. С железной рудой возится Рам, Гау продолжает мастерить луки. Кроме того, не оставляла меня надежда найти легкоплавкий металл, чтобы делать бронзу. Бронзовые наконечники стрел и копий практически не уступают железным.

Теперь, когда у меня не меньше сорока молодых и крепких мужчин, половину из них следовало перевести в воины, чтобы несли дозоры на подходах к нашему поселению.

Вторая половина останется охотниками и просто рабочими, потому что с началом сева ячменя появятся новые специальности. А если заведем животных, то и там возникнет нужда в рабочих руках. И дворец, мне надо построить дворец, как же править, не имея этого атрибута. Дворец можно построить из глины, это будет просторное помещение с несколькими комнатами и большой Залой, где буду восседать на троне, принимать людей и вершить правосудие. С этими мыслями уснул и проспал безмятежно до самого утра.

Глава 5. Праздник Сева

Три дня держалась температура, и саднило горло. К концу третьего дня почувствовал себя значительно лучше. Все это время приходила Нел, готовила мне поесть, потом я ее отсылал. Несколько раз приходили за инструкциями Хад, Лар и Раг. Около тридцати мужчин из смешанного племени было поставлено на расчистку участка под ячмень. Я выходил и наблюдал за работой. Хаду сказал, чтобы вытащенные пни и корни собирали в одном месте. Это топливо для приготовления древесного угля.

Мне было видно, как мужчины своими каменными топорами и скребками рыли землю вокруг пней, затем начинали доноситься глухие удары. Это был очень тяжелый труд, но никто не роптал. Раз Макс Са сказал, значит надо делать.

На четвертый день, когда я решил, что риск заражения аборигенов минимальный, я сам пошел посмотреть, как продвигается работа. За три дня была очищена полоса около ста метров в длину и порядка тридцати в ширину. Еще через неделю весь участок будет готов. Нужно было придумать соху. Пошел в лес, чтобы отыскать подходящий сук, который можно будет оковать железом. Пока бродил в поисках подходящего материала, на глаза попалось интересное дерево, которое дало мне не менее интересную идею.

Весь ствол дерева был усеян острыми сучками длиной до

десяти сантиметров. Попадались и длиннее. Если его срубить и волоочь бревно по земле, оно оставит многочисленные борозды в земле, куда можно сеять ячмень. Позвал Лара, объяснил, что мне нужно срубить это дерево. Лар с двумя помощниками сразу принялись за дело. Длина ствола была больше двадцати метров. Это был кедр, но выглядел немного иначе, чем встречавшиеся раньше. Ствол в поперечнике достигал полуметра. Только спустя три часа трое мужчин свалили кедр. Отобрав четыре метра в длину, где густота сучьев была максимальная, обозначил своим лесорубам новую задачу и вновь застучали каменные топоры. Немного постояв рядом с ними, вернулся к себе в палатку.

Сейчас была осень, я не знал, стоит ли сажать ячмень или подождать до весны. Я не знал климатических особенностей этого места. Конечно, был в курсе, что озимые сажают, и они дают больше урожая, чем яровые. Решил сажать только половину, чтобы в случае неудачи у меня была еще одна попытка. Разумеется, ячмень снова можно собрать через перевал, но у меня в планах было улучшать его качество путем отбора более крупных и чистых зерен.

Каждый день я приходил к работникам, чтобы контролировать процесс. Помощь Хада и Лара была очень ценной, но все равно хотел лично руководить всем. Лар по очереди отбирал тех, кто идет на охоту, чтобы все были одинаково загружены. Уна и Гара уже обтесались и вели себя, словно одно племя. Вновь прибывшие немного сторонились Рага и Ба-

ра, но со временем и это пройдет. При виде меня они бросали работу и стояли, склонив головы, пока не давал указание продолжать.

Срубленный кедр обрубали с двух сторон. Теперь кусок ствола, длиной около четырех метров, походил на круглую гребенку.

Я принес два куска веревки и обвязал концы своей сохи.

По моей команде Раг и Лар потянули и натужно сдвинули бревно, протащив его пару метров. На земле остались многочисленные борозды глубиной от пары сантиметров до пяти-семи.

Результат мне понравился, но моя соха слишком тяжела для двоих. Найдя небольшие высохшие крепкие палки, концы веревок привязал к ним. Теперь бревно смогут тащить четыре человека. Лар подозвал двоих дикарей и, впрягшись, они заметно легче потащили соху, оставляя борозды. Теперь осталось дожждаться, пока уберут все пни, затем заровнять ямы после выкапывания корней – и можно сажать ячмень.

Со своей ангиной я совсем забыл про роженицу и ее сына. Возвращаясь к своей палатке, заметил женщину, чье лицо показалось знакомым. Женщина, увидев, что я ее заметил, кинулась навстречу и распласталась на земле в трех метрах от меня. Она что-то лопотала, очень быстро и совсем непонятно для меня.

– Лар, иди сюда, – позвал я своего переводчика.

Охотник рванулся со скоростью антилопы, поднимая ко-

пье наизготовку.

– Стой, Лар, просто хочу понять, что она говорит, – остановил я не в меру ретивого парня.

Лар прислушался, и его лицо расплылось в улыбке.

– Эта глупая женщина просит сделать ее твоей женщиной.

По моему лицу охотник понимает, что я не понимаю, в чем дело.

– Это Зиа, проклятая духами. Макс Са вытащил из нее ребенка и снова сделал ее целой. Теперь она говорит, что принадлежит Великому Духу Макс Са и хочет быть с ним и умереть, если он скажет.

– А где ее мужчина, Лар?

– Его убил Рох, когда он охотился на Уст.

Уст – это разновидность дикого барана, именно то животное, которое мне хотелось приручить в первую очередь. Они не такие быстрые, как антилопы, и не такие ловкие, как козлы и серны.

– Скажи ей встать, Лар.

Женщина встает, теперь узнаю ее. По меркам дикарей довольно симпатичная. Не такая стройная, как Нел, но грудь стоит как налитое яблоко гигантского размера.

– Лар, пусть идет и занимается своим ребенком. Если она мне будет нужна, я ее сам позову.

– Макс Са, – выдергивает меня из раздумий голос Лара.

– Чего тебе, Лар?

– Макс Са, ты Великий Дух, почему ты взял только одну

женщину? Ты можешь взять всех! Наше племя будет самым сильным, если в детях будет сила Великого Духа.

Охотник замолчал, я же, ошарашенный, переваривал его слова. Это он мне предлагает стать осеменителем всего племени? Казановой каменного века? Я расхохотался. Перед глазами мелькали мощные мужеподобные фигуры местных женщин, у большинства из которых на груди росло куда больше волос, чем у меня. Да таких тестостероновых кобылиц дефлорировать замучаешься, там, наверное, броневая защита стоит.

Лар недоуменно наблюдал за моей реакцией, в его глазах это были симпатичные женщины, и он не мог понять, что он сказал смешного. Я представил, как ему предложили девушку из двадцать первого века, без малейшей растительности на теле, холенную, стройную.

Охотника, наверное, вывернуло бы наизнанку, при виде таких «бледных червей».

Отсмеявшись, хлопнул Лара по плечу:

– Великий Дух, Лар, делает только то, что считает нужным. Это вы, люди, не понимаете, что я могу и хочу. Поэтому, Лар, больше не задавай глупых вопросов.

Охотник побледнел, растолковав мои слова как угрозу.

– Возвращайся к работе, нам надо скоро класть сот в землю, чтобы получить много сота.

Оставив Лара, я вернулся в палатку.

– Макс, можно мне войти?– в проеме показалась голова

Нел.

– Заходи, – разрешил я, – только пока не дотрагивайся до меня, Нел. Еще два дня, потом можно будет трогать.

– Макс, ты хочешь привести в свою хижину другую женщину? – голос звучит ровно, но видно, что она волнуется.

– Если и хочу, что ты хочешь мне сказать? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Ничего, ты Великий Дух, как ты скажешь, так и будет, – Нел покорно склоняет голову.

Я смотрю на нее и думаю о девушках из моего времени: разница в менталитете колоссальная. Те бы уже устроили скандал, истерику, а здесь – покорность и понимание.

– Нет, Нел, я не хочу приводить другую женщину, – видя, как радостно вспыхивают ее глаза, добавляю: – пока не хочу. Если захочу – приведу, но пока я не хочу этого.

Нел снова склоняет голову и спрашивает:

– Мясо готово, ты покушаешь Макс?

– Неси, – откидываюсь на шкуры, что за день такой, и здесь эти женские интриги.

Кушаю молча, тщательно пережевывая. Ангина напомнила, что рисковать здоровьем не стоит, здесь страхового полиса нет и никто помощь не окажет.

– Как женщины племени Уна? Учат ли они язык? – спрашиваю у молчащей Нел.

– Учат, но они глупые, не могут ничего запомнить, – де-

вущка невысокого мнения о вновь прибывших.

– Нел, – смотрю ей в глаза тяжелым взглядом, – они должны понимать язык Русов, и чем быстрее, тем лучше. Ты поняла?

– Макс, я все сделаю. Твое слово обжигает как Мал, так Гара и Уна называют солнце. А Луна у Луома была Не, а Гара и Уна Луну называют Бу.

– Хорошо, Нел, я хочу поспать.

Я не хочу спать, просто сегодня впервые увидел, что Нел рассматривает меня как собственность. Не знаю почему, но в глубине души меня это задело. Надо немного показать ей холодок. Вон, другие местные женщины по кумполу от мужей регулярно получают, но не показывают ни ревности, ни эгоизма. А я ее разбаловал. Не было у меня желания взять еще одну женщину, но это должно быть по моему желанию, а не по прихоти кого бы то ни было.

Еще два дня ушло, пока окончательно очистили участок под ячмень. Теперь это было относительно ровное поле размером сто на двести метров.

Сегодня с утра собирался сажать ячмень: поглазеть пришли все свободные. Однако, видимо, у них совсем мало работы, раз столько зевак собралось. Но ничего, я вам найду работу. Чем больше человек занят, тем меньше времени на глупые мысли.

Четверо мужчин впряглись в мою соху и по команде потащили бревно. Многочисленные бороздки свидетельство-

вали, что орудие труда выбрано удачно. Я зачерпнул горсть ячменя из шкуры и начал аккуратно сыпать в бороздки. Заполнив все бороздки на длину около метра, веткой начал выравнивать землю. Около десятка мужчин наблюдали за моими действиями вплотную: им предстояло сеять и закапывать зерна.

– Раг, давайте, начинайте, – дал команду, и бригада сеятелей принялась за дело.

– Лар, ты будешь веткой закрывать. Смотри, чтобы слишком много не кидали.

Оставив сеятелей на попечении Рага и Лара, сам бегом догнал своих разумных волов, тянущих соху. Когда достигли конца поля, переставили бревно так, чтобы не нарушать уже сделанные бороздки. Двинулись обратно: у моих ребят, или как я их прозвал – разумных волов, напрочь отсутствовал глазомер. Не поправляй я периодически траекторию, оставались бы огромные проплешины невспаханного поля.

Когда дошли до края, снова переставил бревно. Сказав «волам» ждать, отправился посмотреть на работу сеятелей. Здесь дело продвигалось немного лучше: конечно, местами зерен было много, а местами совсем мало, но ребята старались. Лар четко закрывал посеянные борозды.

Вернулся к своим бурлакам, только мои тянули не баржи, а огромный ствол, усеянный сучками.

До темноты мы успели засеять только половину поля: ре-

бьята уставали, приходилось их менять. Новые «волы» норавли нарушить четкость рядов, постоянно приходилось вмешиваться, корректируя курс. Дождавшись, пока сеятели закроют все лунки-борозды, подзвал к себе Лара и Рага.

– Вы молодцы, Лар, скажи всем, кто сегодня работал, что Макс Са ими очень доволен. Завтра мы закончим и устроим праздник. Праздник Сева – это будет первый государственный праздник Русов.

– Что такое праздник? – спросил Лар.

– Праздник – это когда много еды и ничего не надо делать. А теперь – всем отдыхать, завтра работу начнем, как только встанет солнце.

Ребята разошлись, а я направился в свою палатку. Эти несколько дней, что я лечился, были потрачены с толком: в палатке вызревал ячменный солод, уже проросший, завтра я его еще обжарю и попробую получить пиво. Надо же отметить праздник Сева. С солодом я намучился в процессе приготовления: ячмень был некачественный, мусора было очень много. Промывать пришлось раз десять, но зато сейчас у меня около десяти килограммов проросшего ячменя. Осталось обжарить, перетереть и сварить пиво.

Утром все были готовы приступить к работе и ждали только меня. Сегодня работа шла лучше, ребята приноровились тянуть бревно, а сеятели равномерно сыпать ячмень в бороздки. Закончили мы еще засветло. Отпустив ребят, вернулся к своему ячменю. Третий день шла сушка, при раску-

сыпании зерно хрустело. Думаю, он, в принципе, готов. Высыпал его в наш котелок без воды и поставил на огонь, периодически перемешивая. Когда зерна стали коричневатого цвета, снял с огня. Дождавшись остывания, ссыпал все в свой герметичный мешок. Эти гермомешки оказались бесценными.

Затянув завязки на мешке и прикрыв клапан, начал мять, пытаюсь добиться удаления ростков. Потом час обрабатывал мешок крупным камнем, мельницы для перетирки у меня не было. Были опасения за целостность гермомешка, но ткань сделанная для космоса, с честью выдержала испытание. Конечно, солод надо выдерживать, но у меня не было времени, я обещал людям праздник. В наш котелок и во все миски, что были свободны, разложил солод и залил водой. Добавил немного соли. Теперь пусть бродит до утра, сахара у меня не было, попробую обойтись таким рецептом. Мы несколько раз так готовили пиво в общаге мединститута, никто не умер после такого пойла.

Утром, как проснулся, сразу поставил котелок на огонь, варил больше часа. Добавил горсть хмелевых шишек и снова варил около получаса. Дрожжей и сахара у меня не было, добавил около пятидесяти миллилитров чистого спирта. Полученное пойло перелил в горшки для охлаждения и накрыл шкурой. Еще трижды повторил процедуру, не прерываясь на обед: теперь все наши горшки были заполнены свежесваренным пивом. Солнце клонилось к закату, когда разогнул за-

текшую спину.

Несколько раз приходили Бар и Лар. Приходил Хад и Лар, но я всех прогонял: нельзя отвлекать пивовара, пиво получится плохое. На следующее утро попробовал на вкус: получилось что-то среднее между пивом и самогоном, добавленный спирт немного изменил вкус. У меня получилось около тридцати литров пива. Грубо, по бутылке на каждого члена племени, не считая детей.

После завтрака поручил Нел, чтобы вместе с женщинами приготовила мясо из наших запасов для всего племени. Часть добываемого мяса охотники прилежно приносили нам, рядом с палаткой пришлось поставить хижину-склад для хранения припасов. Рагу и Лару поручил собрать мужчин ближе к обеду, вместе с членами их семей. Около десятка бревен парни приволокли к моей палатке, расположив их треугольником. Посреди этого треугольника горел костер, на котором женщины жарили куски мяса, нанизав их на прутья. Готовые куски складывались на чистую шкуру.

Племя собралось быстро. Лар попросил их рассесться по бревнам и теперь они все ждали, не сводя голодных глаз с мяса. Но когда они наедятся, мое пиво на них не подействует, поэтому поручил Рагу и Бару вытащить все емкости с пивом.

– Племя Русов, сегодня мы отмечаем праздник Сева. Мы закончили сев и через пять лун у нас будет много сота. Вы все хорошо постарались, и поэтому я, Великий Дух Макс Са,

сегодня дам вам выпить напиток Духов.

Лар перевел, половина племени понимала меня без перевода, а вторая половина усиленно учила язык. Подавая пример, я зачерпнул глиняной пиалкой пиво и выпил до дна. Подозвал к себе Зика, сына Хада.

– Дай выпить каждому по одной пиалке.

Зик отнес первую пиалу своему отцу Хаду, тот показал на шамана, который сидел, облизывая губы. Шаман залпом выпил чашку и довольно крикнул. Потом была очередь Зика, моих приближенных, всех, кроме Нел, которая была беременна, и я не хотел рисковать ее здоровьем. Пиво, хоть и слабое, быстро бьет в голову. Зик не успел еще угостить всех, когда я почувствовал легкое опьянение, совсем легкое. Шаман, Хад, Ара, Лар и Раг уже смеялись громко. Понемногу все приложились к пиву, оставалось еще около пяти литров.

– Кушайте Русы, – моей команды ждали давно. Мужчины, а потом и женщины, похватали куски мяса, вгрызаясь в него крепкими зубами. Шаман Хер блеснул глазками: отправил к нему Зика с еще одной порцией пива. Не все мужчины и женщины захотели повторить. Но люди раскрепостились, исчез их животный страх передо мной. Ко мне подбегали мужчины и женщины, предлагая свои куски мяса.

После третьей пиалки Хер свалился к херам, это вызвало грохот смеха среди племени. Солнце плавно опускалось к линии горизонта, в костер добавляли хвороста. Неожиданно Лар выскочил на середину и начал устрашающий танец,

потрясая копьем. Его поддержало около десятка охотников, вскоре к танцам присоединились и женщины.

Мне вспомнилась славянские игры с прыганием через огонь в честь Перуна. Призвав всех к тишине, разбежался и прыгнул через костер. Племя застыло, такого они никогда не видели.

Первым осмелился Лар, немного опалив волосы на заднице, он присоединился ко мне. Женщины не прыгали, я увидел силуэт и не успел остановить, как Нел лихо перемахнула через костер. За ней потянулись и остальные, только одна из женщин прыгнула неудачно и приземлилась прямо в огонь. Вылетела оттуда пулей с громкими визгами под смех всего племени. Костер догорал, больше хвороста рядом не было, и люди уже устали. Еще раз поздравив всех с праздником Сева, я распустил людей по хижинам. Первый официальный праздник Государства Рус удался.

Глава 6. Землетрясение

Прошел месяц с праздника Сева. За этот месяц вновь прибывшие адаптировались и уже могли сравнить свою прежнюю жизнь с вождем Таром и под моим покровительством. Покойный вождь был крутого нрава, брал любую женщину, когда хотел и где хотел, частенько отбирал всю добычу у своих охотников. Несколько молодых охотников бросили вызов его произволу, но были побеждены в схватках и убиты Таром. После этого никто не смел бросать вызов, и люди просто терпели.

Они могли связывать простые фразы на искаженном русском, в котором теперь было много слов из языка Луома и Гара. Напряженность в отношениях между племенами исчезла совсем. Убедившись, что новый вождь Великий Дух Макс Са никого не притесняет, они с удовольствием делали любую работу, которую им поручали. По моему календарю стоял декабрь: погода была солнечная и теплая. Всего несколько дней были дожди, последний дождь прошел вчера, а с утра я увидел, как на поле проклюнулись первые ростки ячменя, радуя глаз сочными зелеными красками.

Уже вторую неделю все мужчины объединенного племени отработывали навыки боя с копьем. Рам по-прежнему ковал наконечники для копий, у него было уже готово десять штук, улучшенных по сравнению с прототипом. И около пятиде-

сяти наконечников для стрел. Гау сделал еще двенадцать луков, добившись улучшения баллистики за счет удлинения стрелы и правильного оперения. Кроме меня, Гау, Лара, и двоих братьев, луками пока никто не владел. Я хотел оставить лук оружием избранных, после долгого раздумья приобщил к стрельбе из лука Зика и Ара.

Со временем наберу еще человек пять лучников, лук и стрелы оружие дорогое, нельзя было допускать его бесцельного использования. Я смотрел, как мои копейщики отрабатывают удары. Раг кричал, даже мог ударить древком своего копья охотника намного здоровее себя, но его слушали безропотно. Бар все свое свободное время проводил с Рагом, помогая тому ковать наконечники.

С одной из поставленных задач, даже с двумя, я уже справился.

Племя мое приросло, люди потихоньку начинают ощущать себя одним племенем, все чаще слышится самоназвание племени Рус. Даже был свидетелем, когда двое детишек из бывших племен Гара и Уна спорили, кто из них Рус.

Хер уже начал потихоньку вязать фразы на русском языке, произношение скверное, коверкает слова, но говорить пытается. Ара, ну чем не настоящий ара, все время ошивается рядом с Рагом или Ларом, из всех прибывших из-за перевала по-русски он говорит лучше всех. Я не ошибся, назначив его своим помощником, он очень старательный, только все равно не доверяю ему до конца. Сегодня утром Хер озада-

чил меня вопросом про покровителя племени среди духов животных. Недолго думая, назвал медведя, Гуца на их языке. Хер отшатнулся, я не смог понять его ломаную речь, пока подоспевший Лар не объяснил, что Гуц не может быть покровителем племени. На такую фривольность Гуц может обидеться и уничтожить все племя. Похоже, что и Лар верил в такой исход.

– Лар, Хер, – кто здесь Великий Дух?

– Ты, Макс Са, – отвечают дикари.

– Кто из нас общается с Главными Духа Мал и Бу (солнца и луны)?

– Ты, Макс Са!

– Вот именно, поэтому я вам говорю: мы племя Рус, а наш тотем в животном мире – Гуц!

Лар успокоился сразу, а Хер, да пошел он на хер, удалился, бормоча себе под нос.

Второй задачей, с которой я успешно справился, был ячмень, точнее его посев. Ростки выглянули из-под земли, обещающая хорошие всходы.

Из крайне важных задач оставалась разработка шахты для добычи железной руды и животноводство. Мне нужно было муштровать своих охотников, превращая их в солдат. А вместо этого каждый день приходилось отправлять две охотничьи партии, чтобы прокормить разросшееся племя.

За этот месяц у нас родилось еще трое детей, все мальчики, как по заказу. Дети дикарей – это отдельная песня. Мно-

го раз натыкался на двух-трехнедельных детей, лежащих перед хижинкой, пока мать ребенка собирала съедобные корни или плела веревки из трав. Годовалые дети бегали, а пятилетние практически были самостоятельны. Вопрос их кормежки был их личным делом, они ели после взрослых, устранивая настоящие бои за кости.

Вот и сейчас, проходя мимо очередной хижины, заметил, как примерно трехмесячный ребенок пытается ползти, изгибаясь всем телом. Матери, как обычно, вблизи не было. Проклиная систему воспитания каменного века, оглянулся по сторонам. Заметив женщину у соседней хижины, позвал ее, сопровождая окрик жестом. Женщина испуганно подбежала, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Возьми ребенка, – говорю ей, показывая на голопузого червячка. Она не понимает, пытается, что-то лопотать, периодически вставляя русские словечки. Нагнувшись, поднял малыша и сунул ей в руки, она прижала его к полуголой груди, малыш сразу начал искать сосок, смешно вытягивая губки.

Отойдя на метров пять, оглянулся: женщина все так же стояла, прижимая чужого малыша к груди. Не удержался, чтобы не припугнуть ее:

– Если положишь ребенка, Дух Макс Са тебя сильно накажет.

Не знаю, все ли она поняла, но глаза расширились от страха. Выйдя из поселения, приблизился к углежогам, которые

ми командовал Хад. Выкорчеванные пни тлели под слоем дерна, создавая запас древесного угля. Но мне нужен был каменный, насколько я помню, теплоотдача у него выше, да и расходуется он экономнее.

– Как дела, Хад? Сколько дней еще тлеть до готовности?

– Завтра будет готово, Макс Са.

Заметив, что два углежога прислушиваются к нашим словам, нарочито громко сказал:

– Если будете плохо работать, Великий Дух разгневется, и я обрушу небесный огонь на ваши головы.

Мужчины боязливо втянули головы в плечи, словно боясь, что прилетит молния, и начали активнее шевелиться. Я только открыл рот, чтобы дать поручение Хаду, как шестым чувством понял, что что-то случится. Еще до конца не осознавая, что за напасть ожидает, успел крикнуть Хаду: «Берегись!»

В этот момент земля под ногами дрогнула: сила толчка была столь велика, что меня швырнуло на землю, успел заметить, как катится кубарем Хад и огромная гора пней, накрытая дерном, рассыпается словно кегли. Тлевшие под дерном пни вспыхнули, получив приток кислорода, и горящие деревянные бомбы покатались в разные стороны. Перекувырнувшись, я пропустил мимо себя один из таких пней.

Хаду повезло, в его сторону ничего не покатилося, а вот одного из упавших углежогов придавило горящим пнем. Вскочив на ноги, я ринулся к нему, когда новый толчок снова

сбил меня с ног. Послышался оглушительный грохот: у самого моря с горной грядой происходило что-то невообразимое. Раздвигая в сторону скалы, вверх поползла новая гряда, рождаясь прямо посередине горной цепи. С горной гряды летели валуны, целые склоны осыпались, создавая новый рельеф.

Несколько громадных валунов и обломков скал достигли поселения: один из валунов накрыл крайнюю хижину и остановился, сломав три пальмы. Второй не долетел около двух десятков метров до нашей доморощенной кузницы. Все это сопровождалось непрерывными толчками, но уже не такой силы. Однако земля под ногами ходила ходуном, дрожь земли передавалась через все тело, вызывая клецанье зубов.

Снова произошел сильный толчок, на этот раз за лесом в стороне, где мы охотились. Горная вершина, служившая нам ориентиром при походе в племя Уна, исчезла, вместо нее родились три новые.

Последовала серия новых толчков, в воздухе стоял гул. Но интенсивность содрогания земли уменьшалась. После нескольких несильных толчков внезапно наступила тишина.

С криками бежало мое племя, направляясь ко мне. Я обратил внимание на придавленного углежога, про которого забыл после второго толчка. К сожалению, он был мертв. Второй был цел, в его глазах был панический ужас. Упав на землю у моих ног, он панически подвывал, сквозь его завывания пробивались слова, прося о пощаде. Я недоуменно по-

смотрел на Хада, но и в его глазах был ужас. Он весь сжался под моим взглядом.

– Хад, что с тобой?

Хад уже сносно болтал по-русски, но сейчас он словно онемел. Он рухнул на колени, судорожно выдавливая:

– Прости, Макс-Са, мы будем лучше работать.

До меня дошло: моя угроза наказать и землетрясение. Они посчитали, что я вызвал этот апокалипсис. Я не знал, то ли смеяться, то ли сделать вид, что так и было, и разгул стихии моих рук дело. Подбежавшие мужчины, женщины плюхались на колени, завывая. Я остолбенел, когда увидел среди них и свою семью, кем я по-прежнему считал Нел, Рага и Бара.

– Нел, Раг, Бар, что с вами? Встали, быстро!

Все трое послушно вскочили, они, в отличие от остального племени, не завывали. Но первобытный ужас застыл на их лицах.

– Нел, в чем дело?

– Макс Са, – впервые за все время она обратилась ко мне так, для нее я всегда был просто Макс, – женщина, она положила ребенка и ушла в свою хижину. Большой камень убил ее. Потому что она ослушалась тебя. Мы боимся, Макс Са.

Да они все очумели? Но глаза Рага и Бара подтверждали, что они в здравом уме, но смертельно напуганы.

– Нел, какая женщина? О чем ты говоришь?

– Макс Са, ты отдал ребенка женщине и запретил класть

его на землю. Это слышали многие. Но когда ты ушел, она положила его на землю и ушла в свою хижину и огромный камень ее убил, потому что ты рассердился.

– Все племя просит простить их и не трясти больше землю, не бить их небесным огнем, – это уже Ара подтверждает слова Нел. Ты посмотри, как хорошо этот шельмец выучил язык за два месяца, даже говорит не хуже Рага или Бара.

Я призадумался: если объяснить, что это все случайность, скорее всего не поверят. А случившееся прекрасный повод закрепить вертикаль власти и закрутить гайки. Короче, никаких выборов – только назначения. Поразмыслив пару минут, окидываю свое племя взглядом. Здесь все, кроме группы охотников, которая не успела вернуться после катаклизма.

– Слушайте меня, люди племени Рус! Я, Великий Макс Са, недоволен вашим поведением и решил показать вам, что в моих силах. Но это не все, я могу украсть Мал (солнце).

Здесь я вспомнил о солнечных затмениях, когда бы они ни случились, они будут помнить эти слова.

– Поэтому вы должны делать точно так, как я вам говорю. В следующий раз я не буду настолько добрым и убью половину из вас, – обвожу взглядом свое племя, люди съеживаются под взглядом, опуская глаза.

Убедившись, что они напуганы до усрачки, заканчиваю речь:

– Идите и работайте. И похороните погибших вон там, –

указываю на опушку леса чуть в стороне от тропы.

– Отныне всех умерших будем хоронить там.

Обернувшись к Хаду и выжившему углежогу, добавляю:

– А вы готовьте уголь и на этот раз делайте все хорошо.

Иду посмотреть на осыпавшиеся валуны и целый пласт породы, на месте рождения новой вершины. Уже на подходе замечаю огромный пласт желтовато-серого цвета. Отдельные куски этого материала докатились до подножья. Беру в руки: глина. Поднимаюсь по осыпи, внимательно смотря под ноги. Пласт обнажившейся глины действительно большой. Вот и стройматериал для моего дворца. Хватит, не пристало мне ютиться в палатке. Разве я не Великий Дух Макс Са Дарб?

Надо будет внимательно осмотреться здесь, не удивлюсь, если землетрясение открыло и другие породы, не менее важные для меня. И место рождения сразу трех вершин надо осмотреть: там площадь осыпей будет больше, рельеф сильно изменился, даже отсюда видно.

У меня было смутное представление, как делать глиняные кирпичи, но знал, что без формочки не обойтись. Наверное, придется добавлять в глину траву или совсем мелкие ветки деревьев, чтобы усилить вязкость. Ладно, об этом подумаю завтра, сегодня надо было еще дожидаться охотников. Может, от них тоже будут хорошие новости.

Планам делать кирпичи с завтрашнего дня не было суждено сбыться, потому что появилось более насущное дело.

Охотники вернулись перед сумерками, неся убитую лань и четыре живых ягненка. Землетрясение застало их у подножья, они чудом увернулись от каменного обвала, который поймал в ловушку отставших ягнят.

Ягнятам я обрадовался больше всего, теперь срочно надо было строить загон и решить вопрос с их кормлением. Они были уже достаточно крупные, не меньше полугода на мой взгляд, и должны были питаться травой. Но животные любят соль, а вот запасы соли у меня подходили к концу.

Надо будет после постройки загона провести экспедицию вдоль побережья, чтобы найти солончаки. Дворец может и подождать. Ягнята жалобно блеяли, приказал срочно восстановить хижину убитой камнем женщины, но сделать ее покрепче, чтобы животные не могли убежать. Завтра будем строить им загон. Несмотря на два несчастных случая, день крайне удачный: огромный пласт глины освободился и сразу четыре ягненка.

Хижину – временный загон для ягнят, поставили буквально за час. Послал детей, чтобы нарвали траву. Стоял декабрь, но травы еще было много, хоть она слегка и пожухла, ягнята все равно ели с удовольствием. Поручил своим детишкам лет восьми напоить их и после присматривать. В месте первого рождения скалы, что было у поселения буквально под носом, среди осыпи ничего больше интересного не обнаружил, хотя несколько часов лазил по склону, пробуя руками все скальные породы.

Хад выделил еще одного мужчину, и они спешно собирали недогоревшие пни, складывая их в кучку-пирамиду. Выживший углежог и вновь отобранный работали как роботы. Пример работы спустя рукава все еще, наверное, стоял у них перед глазами. В лагере издали заметил сердитого Рама, который ходил вокруг разрушенной кузнечной печи. Несколько хижин также не выдержали сотрясения земли и обрушились.

Подвижки в земной коре были активны, я сам сегодня видел рождение новых вершин в горной цепи. По середине пальмовой роши проходила трещина глубиной около двух метров и полметра шириной. Она, извиваясь, уходила дальше в противоположную от горной цепи сторону.

С утра пошлю Зика, самого опытного «геолога», обследовать горную гряду, где родилось сразу три вершины. У парня уже наметан глаз, и пустые скальные породы от стоящих отличить он сумеет. Сам с небольшой группой пойду вдоль побережья в поисках соли. Я непростительно забыл про нее и запасы критически уменьшились. Кроме того, сейчас у нас были ягнята, а то, что животные любят соль, я знал из передач «Дискавери».

Нел хлопотала у костра, готовя рыбу. Едва взглянув на меня, сразу потупила глаза. С трудом подавил смех: ночью в палатке, слов, что «нельзя, ребенок» точно не будет. А может пора ей перейти на новый уровень в доставлении удовольствия своему мужчине. Мысль была интересная, но ее

стоило хорошо обдумать, иначе завтра она всем разболтает о пристрастиях великого Духа и все племя начнет их копировать.

Рыба получилась вкусной, после ужина сидел, наблюдая, как наступает ночь и в небе зажигаются звезды. Запрокинув голову, искал знакомые созвездия, которые здесь все-таки немного по-иному располагались на небосводе.

– Макс, ты сердишься на меня? – подседа рядом Нел.

– Нет, моя прелесть, за что мне сердиться на тебя?

– У нас мало секса, может ты сердишься?

– Сегодня у нас будет много секса, Нел, – я привлек к себе и поцеловал девушку, которая жадно ответила на поцелуи.

Нел была импульсивной девушкой, вспыхивала как спичка, но инстинктивно заложенный запрет на секс во время беременности сделал ее немного своевольной. Но сегодняшняя «демонстрация» недовольства Великого Духа Макс Са перечеркнула все запреты. Она вся дрожала от желания, и в глазах ее плясали огоньки.

Что ж, нельзя обманывать ожидания женщин, увлек в палатку, и, не забывая, что у нее в чреве мой ребенок, предался с ней страсти. Несколько раз ночную тишину, царившую в Плаже, прерывали довольные крики моей, истосковавшейся по любви, женщины.

Глава 7. Соль и пленник

Утром, когда Хад с мужчинами стали делать просторный загон для ягнят, вызвал к себе Лара и Рага.

– Соберитесь в дорогу, возьмите с собой луки, стрелы, мясо и воду. Мы пойдем искать соль вдоль берега моря. Может, уйдем на несколько дней пути.

После них вызвал Хада и Зика.

– Хад, я уйду искать соль, ты остаешься за вождя, пока я не вернусь. Сделайте загон для ягнят и продолжайте готовить уголь.

– А ты, Зик, – теперь я обратился к его сыну, – возьми с собой несколько мужчин и хорошо осмотрите место, где родились новые горы. Собирайте все странные камни и принесите их Раму.

Пока Раг и Лар собирались, успел позавтракать и приготовиться к походу. Вытащил свои кроссовки, в последнее время привык ходить босиком, так как, несмотря на поздний декабрь, было тепло и довольно сухо. К своему луку добавил пистолет, опоясался патронташем с пулевыми патронами. Уходим на несколько дней и неизвестно, кто может встретиться в дороге.

Как я уже говорил, наша бухта с северной стороны была ограничена скалой, дававшей нам защиту. А в южную сто-

рону берег моря был сплошь усеян пальмами. Леса в этой стороне не было, и до сих пор южная сторона была мной исследована только на расстояние около двух километров, до конца пальмовой рощи. За ней начиналась степь, поросшая мелкой жесткой травой, которая перемежалась с участками песчаных дюн.

Мы вышли и направились вдоль побережья в сторону юга. Миновав пальмовую рощу, продолжили путь. С этого места территория нами не была исследована, и я вертел головой, стараясь увидеть что-то новое. Но пейзаж был унылым: участки песка чередовались со степью, до самого горизонта не было ничего приметного. Несколько раз попались одиночные скрюченные деревья.

Ближе к вечеру дошли до небольшой группы кустарников, которые росли возле родника, бьющего из-под земли. Родничок был слабенький, его сил хватало лишь на то, чтобы создать оазис метров пятидесяти в диаметре. Несколько сайгаков стремглав унеслись из чащи кустов, завидев нас. Родник образовал прудик, по берегам которого буйно росла растительность, несмотря на зимний период. Мы передохнули и подкрепились, решили переночевать в этом месте.

Высохшие ветки кустарников послужили пищей для костра. Дежурили по очереди, я себе выбрал первую вахту. Ночью вдалеке слышалось завывание то ли шакалов, то ли гиен. Разбудив Рага, отправился отдыхать. Лар поднял нас, как только солнце осветило край горизонта.

По моим подсчетам вчера мы прошли около тридцати километров, но ничего похожего на соль не встретили. Пополнив запасы воды, продолжили путь. Табун диких лошадей голов в двенадцать, низкорослых и коротконогих, встретился ближе к обеду. Лошади были взмылены, не обращая внимания на двуногих, они поскакали в северо-восточном направлении. Через минуту стала ясна причина их загнанности: стая диких собак, численностью не меньше пятидесяти, гнала лошадей.

Лар знаками показал нам залечь, и мы быстро прилегли, провояя взглядом преследователей. Собаки не заметили нас, так что без проблем продолжили путь в поисках соли. Первым белый солончак увидел Раг.

– Макс Са, там, – парень показывал пальцем, но я на таком расстоянии видел только степь, песок и морской берег. Через полчаса огромное белое поле соли стало видно отчетливо. Берег в этом месте был низкий и море затапливало его. Даже сейчас отдельные волны перекатывались и доходили до солончака.

Но самое интересное было не это: при подходе к солончаку стали встречаться следы человеческих ног, сохранившиеся на влажной от морских волн почве.

Противоположного края солончака не было видно, он сливался с горизонтом. Но следы человеческих ног говорили о том, что совсем недавно, максимум вчера, здесь были люди. Наша цель была достигнута – мы нашли соль, но те-

перь меня беспокоил вопрос, что за соседи у нас под боком. Пятьдесят километров для дикарей пустяк, такие переходы они даже всем племенем делают за день.

Сколько их, кто они? Насколько племя многочисленное? Людоеды или относительно мирные? Хотя мирных в каменном веке просто не бывает: либо ты убьешь соседа, либо сосед убьет тебя.

– Раг, Лар, оставляем здесь мешки для соли, заберем соль на обратном пути. Надо узнать, что за люди здесь находятся.

Мои спутники сбросили мешки для соли, и мы двинулись через солевое поле: теперь мои кроссовки были как нельзя кстати. Берег моря был пустынен, не было признаков присутствия человека. Через километр нашему взгляду открылась бухта, ранее скрытая от глаз. Бухта глубоко врезалась в сушу, в глубине ее стояли хижины, количество сосчитать было трудно. Несколько дымов от костров поднималось вверх. Пройдя еще несколько сот метров, мы смогли охватить взглядом всю бухту: она оказалось куда больше, чем показалось на первый взгляд. В этой стороне по берегу также находились хижины, но самое удивительное было то, что на воде были плавательные средства.

С нашего расстояния его рассмотреть было тяжело, но они походили на лодки, а две человеческие фигурки в одной из них заставляли ее двигаться.

Засмотревшись на лодку, мы забыли, что наши силуэты, на фоне моря и солончака, хорошо проглядываются. Веро-

ятно, нас заметили с лодки, потому что она поспешила к берегу и вскоре пристала к нему. Минуту спустя из хижин высыпали человеческие фигурки, часть которых погрузилась в два плавательных средства, а большая часть двинулась нам навстречу по суше.

– Попробуем с ними поговорить, но держите луки наготове, – проинструктировал я своих спутников, вытаскивая и проверяя свой пистолет. С учетом нашего вооружения, даже толпа дикарей рассматривалась мной как малая опасность, но я недооценил вероятного противника. Две лодки заходили нам в тыл, в то время как основная масса шла в лоб. Эти дикари были совсем не глупы, они не бежали в лобовую, а шли достаточно осторожно.

Увидев в их руках луки, подумал, не слишком ли самонадеянно поступаю, давая им приблизиться. В пешей группе было человек двенадцать, и еще шестеро уже высаживались на берег с моря.

– Лар, Раг, не стреляйте, попробуем поговорить с ними, – я демонстративно положил свой лук на землю и сделал несколько шагов навстречу пешей группе, показывая пустые ладони. Дикари остановились в семидесяти метрах от меня, от толпы отделился один и, также положив свое оружие, двинулся навстречу. Мы остановились друг против друга в трех метрах: это был совсем молодой юноша, высокого роста, еще безбородый. Загорелый, с красноватым оттенком кожи и правильными чертами лица.

Набедренная повязка и куски кожи на ногах, видимо, что соль разъедает, дикари уже знали. Он стоял спокойно и уверенно: их было вчетверо больше, не считая группы у нас за спиной. Я прервал затянувшееся молчание:

– Я пришел как друг, нам нужна соль, – нагнувшись, взял в руки немного соли и притронулся языком, показывая, почему мы здесь. Мой визави молча смотрел на меня, затем указал рукой в северном направлении, проронив лишь одно слово:

– Гира!

Смысл я понял по интонации и жесту: нам предлагали убираться. Это было невежливо, засесть на огромном солончаке и гнать непрошенных гостей. Я вытащил барашковый винт, который был в кармане: яркая металлическая деталь заинтересовала дикаря. В его глазах зажегся интерес, и он протянул руку. В этот момент раздался крик Рага:

– Макс Са!

На рефлексх отскочил, выхватывая мачете: стрела впи-лась в то место, где я до этого стоял.

– Ах ты, тварь, – прорычал я, замахиваясь для удара, но дикарь оказался расторопнее. Подскочив, он перехватил мою руку с мачете, я услышал крики за спиной, там в бой вступили Раг и Лар. Не пытаясь вырвать правую руку из тисков парня, левой вытащил пистолет и с силой обрушил рукоятку на голову парня. Он рухнул, освобождая меня от захвата, и в этот момент мимо лица просвистела еще одна стрела:

пешая группа бросилась в атаку и уже находилась в сорока метрах.

«Патроны», – болезненно сжалось сердце, но медлить было нельзя: вскинув руку, выстрелил в набегавшую толпу. Один дикарь упал как подкошенный, остальные мгновенно остановились и присели, закрывая головы руками. Я перезарядился и произвел второй выстрел: дробовых у меня было мало, их решил поберечь. Когда прозвучал второй выстрел, и второй дикарь ткнулся лицом в соль, оставшиеся девять задали стрекача. Обернулся к своим спутникам: четыре трупа остались с их стороны на белой соли, двое оставшихся уже столкнули лодку и усиленно работали веслами.

Оглушенный мной парень зашевелился, приходя в сознание.

«Добыл «языка», – пронеслось в голове. В этот момент ко мне подбежал Раг. Лар копьем добил раненых и, собрав наши стрелы, трусцой направлялся к нам.

– Свяжи его Раг. Мы заберем его с собой, – я подобрал стрелу, которая прилетела первой. Наконечник был костяной и сидел в дрове приклеенный. Дикари владели искусством варить клей, и лодки у них имелись. Но сама стрела была дрянная, такой только мелкую дичь добывать.

Раг вытащил из набедренной повязки кусок травяной веревки и крепко замотал руки пленнику: тот уже очнулся и смотрел осоловелыми глазами, не понимая происходящего.

– Уходим, пока они не вернулись, – рывком поднял плен-

ника на ноги и, приставив мачете к горлу, выразительно сказал:

– Без шуток, рыбная морда!

Пленник понял и послушно зашагал: нам надо было добраться до своих мешков, набрать соли и вернуться к себе. Интуиция говорила, что будет организована погоня, но не сразу. Вначале они должны пережевать страх, потом шаман будет камлать и лишь потом бросятся в погоню. По-хорошему у нас день форы, с такой форой нас не догнать, а если сунутся к нам – шансов у них нет. У нас лучников человек шесть, и стреляем мы вдвое дальше. Раньше я думал брать лучников только из числа приближенных, но наличие луков у соседнего племени все меняло: лучников должно быть больше, причем хороших лучников. Значит, пересмотрю свою начальную доктрину и увеличу количество стрелков.

Мы добрались до начала солончака, где оставили свои мешки. Жаль, что взяли только три мешка. Знай я про возможного пленника, нагрузили бы и его как мула. Быстро набив мешки солью, связав между собой, перекинули через плечи пленника: сам напросился. Я всего лишь хотел набрать соли и уйти, а он отвлекал меня, пока в меня целились из лука.

Обратный путь всегда легче, до оазиса с родником дошли примерно за четыре часа. Пленник вертел головой, видимо, эти места ему были незнакомы. Быстро набрали воды и пе-

рекусили: признаков погони не было, но не стоит искушать судьбу. Чем быстрее дойдем до поселения, тем спокойнее буду себя чувствовать.

Пленника я взял не просто так, в отношении него было два возможных варианта: увидев наши возможности, парень проникнется и захочет привести племя под мою руку. И второй вариант, в случае его упорства – он выдаст секреты варки клея и другие нововведения своего племени.

Ночь застала нас в степи, костер не разжигали, чтобы не быть обнаруженными в случае погони. Едва стало светать, отправились в путь. К полудню показались первые пальмы рядом с нашим поселением. Мы были беспечны, не обращая внимания на эту сторону, а совсем рядом оказалось многочисленное племя. В бухте рыбных людей, как я их окрестил для себя, насчитал больше двадцати хижин. Могли быть еще, не вся бухта была доступна для обозрения с солончака.

Нас заметили только когда мы вплотную подошли к селению, что еще раз подтверждало мои опасения насчет беспечности. Надо будет организовать пост в этой стороне, со стороны горной гряды угроза маловероятна. Увидев нас, поспешил навстречу Хад, но при виде пленника он изменился в лице, судорожно сжимая копье.

– Хад, накормите его и посадите в хижину, чтобы не сбежал. Позже я поговорю с ним.

Мне надо было снять кроссовки, привыкнув за два года ходить босиком, испытывал дискомфорт в обуви, да и запах

пота бил в нос.

Нел обрадованно пискнула и метнулась к огню, кормить своего мужчину. Я скинул кроссовки у входа в палатку и сбежал в море, где с удовольствием поплескался, распугивая рыбу, которая облюбовала нашу бухту. Дикари, не заморачиваясь, выкидывали кости в море, и, хотя они были обглоданы дочиста, рыб они привлекали. Выходя из воды, наступил на такую кость, чертыхнулся и решил, что не позволю превращать море в помойную яму. Завтра же выкопают мусорные ямы недалеко от туалетов.

Котелок кипел, вода играла кусками свежего мяса, значит охота была удачной. Вернулся Хад, поручив пленника. Выслушал от меня указание поставить дозорных на границе пальмовой рощи и степи и снова ушел.

Я кушал обжигающе горячие куски мяса и слушал, как Нел рассказывает о ребенке в чреве, который усиленно толкается. После ночи любви она вновь обрела былую уверенность и общалась не как с духом, а как с мужем. Я прилег отдохнуть, наказав Нел разбудить меня до темноты. Но сон не шел, прорабатывал варианты действий вождя рыбных людей. Как бы я поступил на его месте, встретив врага, обладающего непонятным и устрашающим оружием? По всем раскладкам получалось, что вождь не должен рисковать людьми, отправляясь в погоню.

Нел разбудила засветло, солнце еще только приближалось к закату. Хад, Лар и Раг терпеливо дожидались рядом с па-

латкой. Все поручения были выполнены, о чем мне доложили по очереди.

– Пусть приведут пленника, – я присел на бревно и рассматривал чужую стрелу, пока Лар ходил за дикарем.

Теперь я мог его рассмотреть внимательно: он был похож на Гара или Уна с одним небольшим отличием: глаза были немного раскосые. Ни Хад, ни Лар, ни специально позванный Ара не понимали его языка. Вроде и слова похожи по произношению и речь такая же, но ни единого слова мы не поняли. Ара вспомнил, что Хер не всегда был в их племени, его подобрали раненым и оставили жить, потому что увидели ожерелье шамана. Это он со временем окреп и стал играть ведущую роль в племени.

Хер явился быстро и вопросительно уставился на меня, поигрывая костями в мешочке из шкуры.

– Хер, поговори с этим человеком, может ты его поймешь.

Шаман внимательно посмотрел на пленника и произнес несколько слов на незнакомом языке. Дикарь встрепенулся и затараторил, но видимо знания языка шамана были недостаточны, он останавливал парня, переспрашивал, жестикулировал. Мы с интересом наблюдали за их общением. Я с удивлением заметил, что Хер раскосый, не так сильно, как наш пленник, но форма глаз была раскосая. Как я этого не заметил раньше, уму непостижимо. Шаман закончил и, собравшись с мыслями, начал пересказывать:

– Это племя Чкара (выдры), они жили далеко от этих мест,

одну руку сезона роста травы назад, на них напало сильное племя черных людей. Их было очень много, и Чкары вынуждены были уйти. Раньше они жили на берегах Бегущей Воды (река) и ловили рыбу. Они шли за умирающим солнцем (запад), пока не нашли место, где много туха (соли) и тун (рыбы). Там они живут уже половину руки сезона роста травы. Его зовут Мен, он сын вождя, – закончил свой рассказ шаман.

Я молчал, обдумывая слова шамана. Значит, эти люди пришли с востока. Тигр? Евфрат? Или они может вообще с Китая или Кореи? А как сам Хер оказался в этих местах? Ведь он понимал язык этого Мена?

– Хер, как ты оказался в племени Уна?

Я наблюдал за реакцией шамана на свой вопрос.

– Я был шаманом племени Зир (сокол). Мы не стояли на одном месте, постоянно ходили в поисках еды. наших воинов убили воины другого племени, в меня попали копьем, но я сбежал в степь. Потом меня подобрал охотники Уна, их шаман умер, и я стал их шаманом.

– У вас не было деревни или поселения? – задаю уточняющий вопрос.

– Не было, – качает головой Хер.

Его объяснения шиты белыми нитками, но других у меня нет. Конечно, большинство племен кочевало, преодолевая огромные расстояния, но где живут раскосые, а где мы? С другой стороны, почему здесь все должно быть идентично

моей старой Земле? Может здесь расселение народов шло по другому варианту?

– Хер, скажи Мену, что мне нужно знать, как они делают это, – показываю на приклеенный к древку стрелы костный наконечник.

Шаман переводит, показывая на стрелу. Мен что-то отвечает, Хер хмурится и поворачивается ко мне:

– Он говорит, что мы скоро умрем, что его отец убьет нас всех и что он ничего не расскажет.

– Хер, объясни ему, кто такой Великий Дух Макс Са Дарб. Завтра, если он все не расскажет, я сожгу его на костре словно антилопу, добытую охотниками.

Хер переводит мои слова, отчаянно жестикулируя: лицо пленника бледнеет, но он держится, упрямо мотает головой и бросает взгляд через плечо на восток, словно ожидает увидеть полки отца, спешащие на помощь.

– Уведите его в хижину и не спускайте с него глаз, – даю указание. Посмотрим, на сколько хватит его смелости, после ночи без еды и воды. – Лар, не оставляйте степь без внимания, пусть дозорные меняются, и готовьтесь к битве. К нам придут Выдры, снимем с них шкурки, – иду в палатку, мне просто необходимо выспаться.

Глава 8. Постройка дворца

Целую неделю я напряженно ожидал, что прибегут дозорные с криками, что к нам движется отряд дикарей. Но проходили дни, а неприятель не появлялся. Зик все эти дни с двумя охотниками обследовал место, где сильно изменился горный рельеф и появилось три новых пика. Они приносили самые разные скальные породы, но железа среди них не было.

«Неужели придется делать шахту?» – от одной этой мысли мне становилось плохо. Или попробовать вырыть карьер? Но как-то слабо верилось, что можно устроить карьер прямо на склоне горы. Все карьеры, которые я видел по телевизору, бывали на равнине, а вот шахты рыли именно на склонах. И хотя Зик не нашел ничего напоминающего железо, я упорно гонял его в горы.

Я с Гау снабдил еще пятерых молодых охотников луками, пока тренировочными. Каждый день новые лучники занимались стрельбой под надзором мастера луков. Себе я тоже нашел работу: используя деревянные клинья, расщепил кусок ствола и получил четыре толстые доски с неровной поверхностью длиной около полуметра. Две доски оставил как есть, а одну распилил ровно посередине при помощи мачете.

Я собирался сделать формочку для глиняных кирпичей. Третий день выравнивал с мачете стороны досок, которые

будут внутренними сторонами формы, чтобы форма легко выходила с готовых кирпичей, не цепляясь. Сегодня за моей работой наблюдал Мен, которого я приказал привести. Парень внимательно смотрел на мои действия, усиленно морща лоб.

Начиная со второго дня его плена вместе с Хером разговаривал с ним, Мен понемногу перестал бояться, видя, что отношение к нему ровное. Закончив выравнивать будущие внутренние стенки, собрал форму на земле. Размеры подобрал с учетом правил кладки: длина кирпича должна быть в две ширины, чтобы можно было класть в шахматном порядке.

Мен внимательно наблюдал за мной: я обвязал веревкой свою форму и затянул узел. Деревянный ящик в руках немного играл, можно было вырезать пазы и вставить, но с моим мастерством это потребовало бы много времени. Кроме того, я специально позвал Мена, чтобы спровоцировать его на выдачу секрета рыбного клея.

Бар принес глину, смочив ее водой, хорошенько размял и, положив ящик на землю, заполнил форму. Полностью ее заполнив, начал снимать, но стенки формы цеплялись за глину: кирпич получился с неровными рваными краями. Смочил внутренние стенки формы и повторил процесс. На этот раз кирпич получился заметно лучше, но устойчивость формы была слабой, и форма рассыпалась, потому что фиксация ее веревкой оказалась слабой.

Мен, сидевший с выпученными глазами, начал тараторить, активно размахивая руками. Пришлось послать за Хером. Шаман явился весь взмыленный, не иначе, пришлось отрывать его от шаманских танцев, которые он практиковал время от времени, поддерживая статусность.

Хер выслушал Мена и повернулся ко мне:

– Макс Са, он говорит, что сделает так, что будет лучше держаться. Но ему нужно много тун.

Я удовлетворенно хмыкнул: «а ларчик-то просто открывался, немного терпения, немного доброты и дать возможность человеку показать, что он что-то делает лучше тебя».

Мен с Рагом били рыбу острогой, зайдя в воду по пояс. Когда на песке оказалось около десятка рыб, рыбалка закончилась. Поискав глазами подходящую емкость, взгляд Мена остановился на моем котелке у костра. Немой вопрос был написан в его раскосых глазах.

– Бери, – кивнул я головой.

Попросив у Рага каменное рубило, Мен ловко разделявал рыбу, извлекая плавательные пузыри и кладя их в котелок с водой. Затем туда же попали хвосты, головы и плавники. С одной из рыб, по виду хищной, он снял кожу вместе с чешуей и также опустил в котелок. Раздув угли, подбросил хворост и водрузил котелок на огонь. Часа два все это варево кипело, затем Мен снял котелок, извлек головы и хвосты. Снова поставил на огонь и дал кипятиться почти два часа, периодически помешивая хворостинкой. Вонь во время варки клея

стояла невыносимая, но Мен ее словно не ощущал.

Даже с моего места было видно, что масса становится гуще, напоминая желе. Наконец дикарь снял котелок и поставил на землю.

– Завтра можно его использовать, – перевел Хер, все время наблюдавший за действиями Мена.

На мой взгляд клея было не меньше трех литров. Усадил Рага и Мена делать дощечки, вбивая деревянные клинья в ствол бревна. Полученные дощечки я укорачивал по размеру своей первой формы, чтобы формы были стандартные, и заравнивал с одной стороны. Всего сделали пять форм приблизительно одного размера.

Теперь надо было приготовить глину. В ста метрах от обвала, где находился пласт глины, была впадина в земле. Месить глину решил в ней: созванные женщины носили глину и высыпали ее там, часть сразу приносила воду, поливая глину. Когда объяснил, что делать, дикари с удовольствием стали месить глину ногами, периодически вскрикивая, сталкиваясь друг с другом.

Мен смазал края моих дощечек, собрал формы для кирпича, быстро поняв, что гладкая сторона должна быть обращена вовнутрь. Хер перевел его слова, что клей должен высохнуть и сегодня использовать формы не стоит, но и я не собирался, время уже шло к вечеру.

Дикари продолжали весело месить глину, превратив это в забаву: то один, то другой падал в месиво и вскакивал об-

ляпанный глиной. Все пять форм я перенес в свою палатку, чтобы их ненароком не разбили. Снова вернулся Зик, который и в этот раз не нашел необычных или странных камней. Наши запасы железной руды закончились: Рам успел переплавить всю руду, и теперь у его кузни лежала стопка криц, которым предстояло стать оружием и орудиями труда.

На данном этапе, с учетом малого количества металла, я решил прекратить производство наконечников для копий и стрел. Первых было десять, а наконечников для стрел было около полусотни. Мне нужна была пара топоров, чтобы облегчить труд лесорубов. Задумал и пару лопат, потому что предстояло много земляных работ.

Глиномесы потихоньку заканчивали работу, потому что глина стала вязкая, и разбегались по своим хижинам. Нел позвала братьев, сегодня у нас планировался чисто семейный ужин, без посторонних. Когда мы уселись и Нел стала ставить еду, ее живот уже выпирал значительно, мне в голову пришла идея сделать систему приемов после постройки дворца. Раз в несколько дней приглашать к себе на обед тех, кто отличился в работе, на охоте или в ином деле.

Братья уже вовсю работали челюстями, у нас было мало посуды, котелок был занят клеем, сегодня пришлось жарить мясо.

– Нел, – я посмотрел на свою женщину, – как у вас получают веревки?

Она оторвалась от еды и ответила, немного замявшись:

– Хорошо получаются, Макс.

– Нел, мы будем сплетать веревки между собой и делать толстые веревки, потом будем сплетать толстые веревки и делать канаты. Канаты нам нужны будут, это очень важно, поэтому следи за этим. И пусть дети всегда приносят траву для ягнят.

– Хорошо, Макс, траву приносят, эти маленькие ягнята уже не боятся, траву берут даже с рук, – Нел положила передо мной новый кусок мяса.

– Я просил тебя приносить все новые растения, что находят женщины. Нам надо кушать жидкую пищу.

Братья молча вслушивались в наш диалог, не вмешиваясь. Семейный вечер, на который я рассчитывал, не получился. Раг и Бар только отвечали на вопросы, а Нел была напряжена, словно боялась чего-то. Когда братья ушли к себе в хижину, я прилег в палатке, раздумывая.

Весной будет три года, как я приводелся. За это время сделано немало: я выжил, обрел семью, нашел новое место для жительства, завтра даже начну строительство резиденции. Подчинил два племени, объединил их. Нашел небольшое месторождение самородной меди и железную руду, которая, к сожалению, заканчивается. У меня есть первые домашние животные, научился жечь уголь. Сегодня узнал, как готовить рыбный клей. Племя немного растет, постоянно рождаются дети. Но как такового прогресса нет, хотя железное дело осваиваем. Лук и стрелы – они оказались не новым

оружием в этом мире и даже были, как минимум, у племени Выдр. У них и лодки есть, только не успел рассмотреть, это долбенки или собранные. Хотя второй вариант маловероятен.

Но я что-то упускаю, становлюсь более жестоким и прагматичным. Нел меня стала побаиваться, оба ее брата на ужине сидели молча. Может, я, слишком занятый своими мыслями, отдалился от них или заставил их отдалиться? Сон не шел, столько проблем еще впереди, столько надо сделать, а время уходит. В феврале-марте родится ребенок, пузо у Нел уже весьма солидное. Я забросил обучение чтению и письму своей женщины и ее братьев. А ведь все надо записывать, или после моей смерти они снова скатятся в первобытнообщинный строй.

И я стал более замкнутым, безэмоциональным в отношении своей женщины и близких. Это надо исправлять, пока они не стали совсем чужими. Раг и Бар не могли дожидаться окончания ужина, слиняли, как только мы закончили. А я ведь из них собираюсь делать местную элиту, не только страх, но и уважение должно их держать рядом со мной.

Нел закончила прибираться и тихо вошла в палатку, устраиваясь рядом со мной.

– Моя прелесть, ты устала? – притянул девушку к себе.

– Нет Макс, все хорошо.

– Завтра мы начнем строить большую хижину для нас, я сделаю тебя королевой каменного века, – щекочу ее под

подмышками, Нел заливается смехом, пытаясь освободиться. Это ее Ахиллесова пята, не переносит щекотки.

– Макс, Макс, – девушка задыхается от смеха, но барьер отчуждения сломан, сама тянется к губам, как только прекращаю щекотку. Я был нежен и сдержан, Нел темперамента и страстна, заснули только поздно ночью.

Утром проверил свои формы: клей держал отлично.

Конечно, после многократного использования клей ослабнет. Для верности обвязал веревкой, максимально туго затягивая узлы. Плаж давно проснулся, Хад хорошо управляется, с утра отослал сына на геологоразведку, отправил охотников, а часть женщин снова месит глину. С формами подошел к глиномесам: лепить кирпичи будем рядом и расставлять для просушки. Место под дворец я еще не выбрал, но это дело сейчас не приоритетное.

Заглянул во временный загон для ягнят: увидев меня, потянулись мордочками за угощением. Но я без гостинцев, ягнята фыркают обиженно, быстро они привыкли к человеку. Вспоминаю стаю диких собак и лошадей, что встретились в походе за солью. Вот кого надо приручить, собаки прекрасные сторожа, а лошади это и транспорт грузовой, и кавалерия, хотя выглядели они мелковато.

Раскладываю формы для кирпичей на земле:

– Несите глину, – Бар рядом со мной, его я определил как прораба процесса.

Глиняную смесь закладывают в формы, утрамбовываю

куском дерева, кирпичи должны быть без пустот. Затем снимаю излишек глины сверху, чтобы поверхность была ровная. Жду несколько минут и, легонько постучав по коробу, освобождаю его, не забывая смочить перед второй загрузкой.

Пять кирпичей готовы за десять минут. Отхожу на метр и, смочив, кладу формы на землю: очередная порция глиняной смеси наполняет формы, процесс повторяется снова. До самого обеда сам леплю кирпичи, дважды даю слепить Бару, контролируя процесс. Парень отлично все делает, его кирпичи даже выглядят симпатичнее. Группа женщин непрерывно месит глину, сегодня уже не до смешков. Рядом находится сам Макс Са, и люди работают молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.